

детский краеведческий ЖУРНАЛ

В поле по-прежнему тихо, словно и не было этих четырёх лет войны, полных ужаса, боли и страданий. Всё так же неторопливо шумит ковыль, раскатываясь на ветру; шуршат молодые едельки иван-чая; снуют из стороны в сторону расторопные шмели. По небу плывут мягкие безмятежные облака, отбрасывая свою тень на зелёное море трав. Долго ещё будут слышаться в этой звенящей тишине поля звучные, отрывистые голоса родных деревенских мужиков, не вернувшихся с войны...

БЕЗ СРОКА
ДАВНОСТИ
ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
СОЧИНЕНИЙ

9 мая 1945 года. Кострома

Спец
ВЫПУСК 8
2024
КОСТРОМА

Детский краеведческий журнал. –
Выпуск 8. – Июнь, 2024. – Кострома:
ОГБОУ ДПО «КОИРО». – 84 с.

Научно-популярный журнал
для детей среднего и старшего
школьного возраста

Публикуется по решению
Ученого совета ОГБОУ ДПО
«Костромской областной институт
развития образования»

Материалы
представлены
в авторской редакции

Главный редактор:
Е. А. Лушина

Редакционный совет,
члены организационного комитета
по проведению регионального этапа
Всероссийского конкурса сочинений
«Без срока давности»:
Е. Н. Круглова,
Н. П. Пигалева

Макет:
Е. Ю. Терлецкая

Издатель:
ОГБОУ ДПО «Костромской областной
институт развития образования»
(редакционно-издательский отдел)

Адрес:
156005, г. Кострома,
ул. Ивана Сусанина, 52

Тел.: (4942) 31-77-91

E-mail: koiro.kostroma@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

2020 год

Гайфуллина Алина. Вместе с дедом до Берлина. 3

2021 год

Рогачёва Варвара. Они ковали победу в тылу. 7

Бицуева Аминат. Высота смерти. 10

Бородина Дарья. Верина война. 14

2022 год

Смирнов Степан. Кристалл времени. 20

Дорошина Александра. Про бабу Соню. 25

Гайдучёнок Егор. Детство, растоптанное войной. 30

2023 год

Звонарёва Алина. Русские своих не бросают. 36

Сергеева Вероника. Игорёк. 40

Носкова Дарья. Гроза. 44

Смирнова Екатерина. Живые страницы истории
Холокоста. 48

2024 год

Смирнов Кирилл. Из дневника Жени Орлова. 55

Фомичёва Мария. Сочинение про войну. 59

Марамохина Александра. Между прошлым
и будущим. 64

Мухина Варвара. Спасибо, что дал мне
право жить! 68

Рогачёва Варвара. Призвание — дарить
будущее. 73

Соболев Кирилл. Подвиг учителя. 76

Фёдорова Дарья. Тетрадь воспоминаний. 80

От редакции

Дорогие друзья!

С 2020 года реализуется международный проект «Без срока давности», посвящённый сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР — жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В рамках этого проекта Министерство просвещения Российской Федерации учредило Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности».

Данный выпуск «Детского краеведческого журнала» представляет собой подборку лучших работ, авторы которых стали региональными финалистами и победителями Конкурса. Все присланные на Конкурс сочинения являются содержательными и значимыми. Отраднo видеть, что участники вложили в работы частичку своей души, раскрыли своё отношение к событиям Великой Отечественной войны.

По условиям Конкурса, в сочинениях обучающиеся раскрывают следующие темы:

- «Геноцид мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в изгнании, в местах массового силового заключения и содержания граждан СССР»;
- «Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»;
- «Произведения литературы, музыкального, изобразительного, драматического и (или) кинематографического искусства, отражающие трагедию и подвиг мирного населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»;
- «Деятельность поисковых отрядов, общественных организаций и движений молодёжи по сохранению и увековечению памяти о трагедии и подвиге советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»;
- «Трибуналы и судебные процессы по делу о геноциде советских граждан нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»;
- «Учитель, который выиграл Великую Отечественную войну: подвиг и жертвенность»;

- «Архивные свидетельства о фактах преступлений нацистов против мирных жителей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»;
- «Личные архивы периода Великой Отечественной войны как свидетельства военных преступлений нацистов и их пособников»;
- «Чему нас учит история: нацизм в исторической ретроспективе и неонацизм в современном мире»;
- «Места памяти массового уничтожения мирных жителей и жертв преступлений нацистов».

Дорогие участники Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности»! Многие ваши работы написаны так проникновенно, что заставляют членов жюри сопереживать. Все работы (даже если не добрали необходимых баллов для победы) заслуживают глубочайшего уважения. С каждым годом всё больше школьников и студентов включаются в конкурсы, которые объединяют учителей и наставников, детей и родителей. Костромской областной институт развития образования в этом выпуске «Детского краеведческого журнала» решил обобщить опыт вашего участия в конкурсе сочинений «Без срока давности» за 5 лет.

Детские сочинения (ваши сочинения!) в рамках этого конкурса — лучший ответ всем, кто говорит, что молодёжи не нужна память о войне, о подвигах предков. Вы помните о героях, победивших фашистов, о своих родственниках, воевавших и работавших в тылу, и о совершенно незнакомых вам людях, которые погибли, чтобы мы могли жить.

Спасибо всем педагогам за профессионализм и сотрудничество. Спасибо всем участникам за то, что откликаетесь на инициативы системы образования.

Всем желаем творческих успехов!

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП / КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

2020 год

Вместе с дедом до Берлина

Автор: Гайфуллина Алина Тимуровна, 8 класс,

МБОУ города Костромы «Гимназия № 15»

Направление: Великая Отечественная война в истории моей семьи

Жанр: рассказ

Ты не волнуйся, мой дедуля, спи спокойно,
И ветеранов, сослуживцев поздравляй!
Где честь — там мир, где выгода — там войны...
Спасибо, дедушка, за мир, за честь, за май...

Ирина Самарина-Лабиринт

Полдень... Маленькая квартира в одном из сталинских домов... В небольшое распахнутое окно настойчиво проникает приторно-сладкий запах черёмухи. Он заполняет собой всё пространство и несёт какую-то живительную силу, силу свободы, мечтаний, надежды, пробуждающейся жизни. Что-то знакомое и родное принёс он и сейчас... Что же это? Ах, да, это светлые воспоминания о моём дедушке. Я сохраняю нашу добрую традицию, достаю старый альбом с фотографиями, как и когда-то, много лет назад, делал это мой дед, усадив меня к себе на колени. Помню, как сейчас...

Весна 1960 года. Полдень восьмого мая. Морщинистая рука деда медленно ведёт по фотографии, и я, маленький, всматриваюсь в чёрно-белые картинки, задавая ему очередной вопрос:

— Дедушка, а это ты где? — спрашиваю я.

— Это меня фотографировали перед уходом в армию в 1938 году. Твоей маме тогда едва исполнилось два года, и жена моя Тоня не хотела меня отпускать, боялась. Но это был мой долг. Шёл я служить с радостным настроением, но кто ж знал, что служба будет такая долгая...

— А долгая это сколько лет? И почему бабушка боялась?

— Всё-то тебе нужно знать, Женька. Времена тогда были такие, все о войне говорили, что, собственно, и произошло. Служба моя длилась 8 лет: ушёл в армию в 1938, а вернулся уже после двух войн в 1946.

— Что за войны?

— А вот об этом тебе знать ещё рановато, — строго ответил дедушка Паша, хмурия свои седые густые брови.

— Ну дед! Ну, пожалуйста, скажи! Я буду внимательно слушать! — воскликнул я.

— А перебивать не будешь?

— Не буду, — быстро, не задумываясь, пролепетал я.

— Честно? — хитро улыбаясь, спрашивает он.

— Честно-пречестно!

— Ну коли не будешь, тогда слушай.

Тут дед Паша снял очки, закрыл альбом, отложил всё в сторону и, повернувшись ко мне, начал свой рассказ.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Мы узнали об этом от начальства. Помню, как в первый день войны в нашей части стояла настоящая суматоха и толкотня. Только день назад дорога была пустая, а сегодня... Громоздкие танки, десятки машин с солдатами, огромные толпы провожающих. Тогда ещё никто не понимал всего ужаса войны. Сказать, что война была страшная, — ничего не сказать. Самое страшное — это видеть, как умирают твои боевые товарищи. Однажды в первый год войны мне с однополчанами пришлось нырять в холодную воду с высочайшего обрыва, спасаясь от преследования фашистов. Течение реки было очень быстрым и бурным. Плыли под обстрелом. Течение так и тянуло за собой. Вода была

настолько ледяная, что ноги сводила судорога. Казалось, будто миллионы острых иголок впивались в тело и не давали плыть. Помогло мне то, что в прошлом я с папкой часто на речку ходил и хорошо плавать научился. Но не всем так везло. Когда кое-как добрались до берега, оказалось, что выжила только треть отряда. Кого-то застрелили, кто-то не справился с течением. Нелегко было осознавать, что твоих друзей, с которыми ты прошёл столько сражений, битв, больше нет. Страшное слово — нет. Словно часть тебя осталась на дне этой реки...

Дед замолчал, вглядываясь куда-то вдаль. Отрешённо. Потерянно. Безнадёжно. Будто пытаюсь увидеть сквозь давно прошедшие годы знакомые и дорогие лица.

— ...Да, много было со мной передраг: и в рукопашный с немцами шёл, и в разведке служил, и машины с продуктами через Ладогу сопровождал, и...

— Дедушка, дедушка, что такое Ладога? — выпаливаю я, чуть приподнимаясь всем телом от любопытства.

— Ладога — спасительное и в то же время страшное слово. Это дорога жизни для блокадного Ленинграда. Город был окружён фашистскими войсками, провизии хватало всего на несколько месяцев блокады, люди голодали, и Ладожское озеро являлось единственным путём к городу и из города. Однажды немцы разбомбили один из мостов на подходе к Ладоге, а провизию надо же как-то везти, пришлось нам с бойцами восстанавливать его за два дня. Всё это время совсем не спали, продрогли, однако мост сделали. Мы так рассуждали: нам-то что, помёрзнем чуть-чуть, не поспим, но потом силы восстановим, а как туго приходится им, блокадникам, люди умирали от голода, детки малые, женщины...

Тут рассказ дедушки прервался. Боль воспоминаний сильно кольнула в самое сердце.

— Дед, ты чего? Ты чего остановился? Дедушка! — громко крикнул я.

— Самое обидное, Женька, — словно опомнившись, продолжал дед, — что так и не расписался я у стен Рейхстага. Ранили меня фрицы в уличных боях. В то время как наши солдаты праздновали победу, я лежал в госпитале, но мысленно радовался вместе с ними. Пролежал я там несколько месяцев и в итоге вернулся домой в середине июня 1946 года. Добирался на попутках, где-то подвозили, где-то шёл пешком, словом, путь был долгим. Как сейчас помню: прихожу в нашу деревню, иду мимо домов, а сам весь прямо изнемогаю от радости, землю свою родную каждой жилкой чувствую, сердце из груди выпрыгнуть хочет. Но боязно было: вдруг детишки не узнают батьку — давно ведь я на войну эту окаянную ушёл. Вижу: школьники играют. Чувствую пристальный взгляд девчонки на себе, поворачиваюсь к ней, а она как закричит громко: «Папка вернулся!». Ты посмотри, сколько лет прошло, а узнала отца!

Тут он быстро и незаметно смахнул слезу со своего морщинистого лица и продолжил:

— Так вот, Женька, Великая Отечественная война — это борьба людей, борьба жестокая и трудная за каждый клочок земли нашей Родины. Я вернулся. Это, конечно же, великое счастье, но часть меня так и останется навсегда в окопах, на полях, рядом с моими товарищами. День Победы — это не только праздник, но и день скорби о каждом из погибших.

Этот рассказ запомнился мне на всю жизнь, и теперь, спустя полвека, я точно так же накануне 9 мая сажусь в мягкое дедушкино кресло, открываю потрёпанный фотоальбом и отправляюсь вместе с моими внуками в путешествие до самого Берлина по страницам боевой славы нашего героя, бойца, защитника.

В распахнутые окна всё так же настойчиво проникает запах черёмухи, несущий с собой надежду, надежду на то, что не повторится никогда эта страшная война, не будут погибать дети, рушиться судьбы. Да, этого всего не будет, пока мы сохраняем память о великом подвиге русского народа, сохранившего для нас нашу Родину, нашу Россию.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП / КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

2021 год

Они ковали победу в тылу

*Автор: Рогачёва Варвара Александровна, 7 класс
МОУ СОШ № 1 имени И. Нечаева г. п. п. Чистые Боры
Буйского муниципального района Костромской области*

Одно поколение, словно волна, набегают
на другое, совсем не зная друг друга...

Ф. И. Тютчев

Сейчас вечер, уже поздно. В доме тишина, за окном кружится снег. На столе в приглушённом свете настольной лампы едва видны очертания семейного фотоальбома. Каждая его страница — это маленькая история судьбы кого-то из членов моей семьи. Чёрно-белые, слегка пожелтевшие от времени фотографии... На одной из них — моя прабабушка, Наталия Ивановна Ильина.

Вглядитесь в лицо этой русской женщины. Глубокий взгляд, говорящий больше, чем тысячи слов о нелёгкой жизни; выбившийся локон тёмных волос с преждевременной проседью — следы трудных будней военного времени... Без тебя и без таких, как ты, тружеников тыла, май сорок пятого мог бы и не наступить! ...А эти морщинки, избороздившие лицо глубокими трещинами, словно суховей и зной — когда-то плодородную землю, иссушили, но не погубили доброты и открытости милого лица. И как земля, опустошённая в жаркие дни, снова становится плодородной после проливного дождя, так и душа твоя, подпитываемая любовью к людям, не утратила живительной силы,

раздаривающей её всем нуждающимся и обездоленным в суровые годы войны...

А ведь каждая морщинка — это след тяжёлого испытания как физической, так и нравственной стойкости простого человека в годину бед и несчастий.

Вот одна из них шрамом прошла вокруг глаз — от бессонных ночей, от тяжёлой непосильной работы, которая неподъёмным бременем легла на хрупкие женские плечи. Вижу тебя с раннего утра идущей по полю: пахота, посев, урожай — вся мужская работа теперь стала твоим «достоянием». А вечером, усталая и обессиленная, ты садишься на лавку и прядёшь шерсть, изготавливаешь льняную ткань для фронта. Ведь там — они, солдаты, стоящие насмерть за границу нашей страны, за тебя, твоих детей!!!

А вот и другая морщинка подросла за первой. Это сын Володя, шестнадцатилетний подросток, ушёл добровольцем на фронт. Как ни билось материнское сердце, как ни хотело вырваться из груди, но ни слова не было произнесено, чтобы отговорить, оставить дома этого желторотого юнца. Какая судьба его ждёт? Может, вернётся домой с долгожданной победой, а может, и останется навсегда лежать под небольшим холмом, ласкаемый в весеннюю пору нежной зеленью молодых берёз...

...А вот и чуть выше бровей избороздили морщины некогда прекрасное молодое лицо. Это суровые, морозные дни и ночи, проведённые в лесу, дали о себе знать.

Зимой женщины и дети валили лес и возили его на лошадях: грузили на сани, разделявали и скатывали в штабеля. Всё делалось вручную. И тебя вижу я среди этих женщин. Руки твои превращались в кровавое месиво, очень долго не заживали. Хотелось есть и спать... Но ведь там, на фронте, и твой сын, и сыновья каждой из рядом с тобой находящихся тружениц ждут поддержки в непростой схватке с врагом.

Но никакой мороз не сравнится со страхом смерти в лесной глуши от свирепых волков. Работала с тобой соседка Татьяна,

отправилась домой, чтобы проведать маленького ребенка. А дорога была дальняя. Волки бегали стаями. Женщина пропала, а потом... только ноги в валенках нашли в лесу. Холодный ужас, словно осколок льда, пронзил сердце каждой, но никто не оставил свой пост, никто не покинул лесную чащобу — фронт ждёт!!!

И ещё несколько морщинок можно разглядеть на твоём мужественном лице. Это боль о сиротах, привезённых из блокадного Ленинграда. Ты взяла к себе в дом четверых детей и двух женщин. С этого момента ноша твоя стала ещё тяжелее. Не только свою боль пришлось носить в сердце, но и боль чужих для тебя людей. Нужно было всех накормить, одеть и обогреть, одарить добротой, заменить мать, сестру... Но не опускались сильные руки, не заглушал холод царствующей смерти доброты и сострадания в твоей душе...

Вглядываюсь в фотографию снова и вижу глубокий след под глазами от горючих слёз. Это материнская любовь, всепобеждающая и всеохватывающая, изливалась из глубины твоего сердца. ...В октябре 1944-го сын Володя в боях за Кёнигсберг был тяжело ранен снайпером в шею, чудом остался жив, но обездвижен. В начале 1946 года его, безнадёжного и ослабленного, выписали из Московского госпиталя и отправили в сопровождении санитарки на поезде домой... умирать. Ты встретила его на перроне вокзала и повезла его домой. Непонятно как, но тебе удалось вернуть сына к жизни. То, что не смогли сделать за полтора года лечения военные доктора, сделала простая безграмотная женщина. С помощью народных знахарских средств и молитвы удалось не только вернуть сына к жизни, но и поставить его на ноги. Сначала у него начали двигаться руки. Потом он смог самостоятельно сидеть. И тогда его друзья смастерили ему каталку, на которой он мог передвигаться. А спустя время он встал на ноги и научился заново ходить. Воистину глубокий смысл и правду жизни несут в себе слова великого писателя: «Любовь...

сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь...»

Этой любовью была наполнена душа одной из простых русских женщин, моей прабабушки, которая назло всем несчастьям и бедам жила, трудилась, помогала каждому, кто нуждался в куске хлеба, тёплой одежде, добром слове. И пусть морщинки на её лице вырисовывают узор непростой жизни, глаза этой женщины никогда не перестанут излучать доброту и любовь, которые не сможет разрушить никакая война...

Я бережно закрываю альбом и убираю его в надёжное место, ведь эту реликвию нашей семьи обязательно должны изучить мои дети и внуки! Поэтому хочется перефразировать слова Ф. И. Тютчева: «Одно поколение, словно волна, набегает на другое, удивляясь и почитая память, узнавая друг друга...»

Высота смерти

Автор: Бицуева Аминат Альбертовна, 9 класс,

МКОУ Судайская СОШ имени Н. Ф. Гусева

Чухломского муниципального района Костромской области

Направление: Деятельность поисковых отрядов и волонтёрских организаций и участие молодёжи в мероприятиях по сохранению и увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне

Жанр: рассказ

2020 год. Калужская область. Зайцева Гора. Летнее знойное солнце нынче особенно распалилось и сулило мальчишкам трудный день. Раскопки начались ни свет ни заря. Весь лагерь пробудился ещё на рассвете, чтобы застать время между утренней зорькой и полуденной жарой, после которой работать становится совсем невмоготу. Копать приходилось как посреди поля, так и в перелесках, но даже здесь, под негустой кроной молоденьких берёз, пот с Мишки тёк ручьём. Он уже давно скинул

камуфляжную куртку на трухлявое бревно подле себя и остался в одной майке, однако ж поминутно утирал с румяного лица проступившую испарину.

— Долго ещё? — не переставая, канючил рядом Сёма. — Мы точно тут копаем?

— Точно, — с хладнокровной уверенностью в голосе отвечал Миша, усердно соскабливая затвердевшую грязь с какой-то горбинки среди ямы. — Это советские окопы. Хоть пулю-то найдём. Подай-ка щётку.

Семён послушно схватил с земли инструмент, вскочил с бревна и прыгнул в траншею, которая, быть может, когда-то и впрямь была окопом, но до их прихода выглядела как небольшой овражек, поросший травой, мхом и дёрном. Такой и заметишь не сразу.

— А почему не немецкие? — он сунул щётку в раскрытую пыльную ладонь, довольно крепкую для шестнадцатилетнего юноши, и стал чуть ли не носом лезть под руку товарищу.

— Потому что прямые. Немцы роют зигзагом, а наши ровно. Да и по картам, если смотреть, отсюда русские наступали. Ну не мешай, не мешай!

Михаил отмахнулся от одноклассника, как от надоедливой мухи, и тот смиренно устроился на прежнем месте. Кроме этого неуклюжего медведя, Семён никого больше не знал из своего класса. Переезд вынудил парнишку перевестись в новую школу, как раз накануне её окончания. Завести друзей он не надеялся. Впрочем, так и случилось: сверстники не приняли этого чудаковатого хлипкого юнца. И тем более неожиданным стало то, что он умудрился сродниться с Михаилом, которого так называли явно неспроста: на семнадцатом году, высокий, рослый, немного неуклюжий, он чем-то и впрямь походил на медведя. Объединила ребят, таких разных, непохожих друг на друга любовь к истории. И если Миша уже которое лето подряд копался в земле, выискивая хотя бы кусочек колючей проволоки или гильзу, то Семён на таких работах оказался впервые.

— Сёмка! Дуй сюда. Я, кажись, череп нашёл.

И Семён уже тут как тут, взялся за широкую кисточку и, отодвинув от находки своего неловкого друга, лёгким движением руки стал осторожно сметать землю с проглядывающих костей. Так товарищи промаялись ещё с полчаса.

— Мужчина. Молодой. Курносый, — произнёс Сёма и провёл по носовой кости подушечкой пальца. В его уверенных движениях чувствовался будущий медик.

— Стало быть, не зря работали, — Миша поливал под походным умывальником свою белобрысую голову.

Солнце клонилось к закату, день — к завершению. После ужина все разбежались по палаткам и, сбившись в компании, болтали кто о чём. Только несколько человек собрались встречать закат у костра, но даже из них к сумеркам осталось лишь двое неразлучных друзей.

Семён вдруг сказал:

— Конечно, не зря мы работали! Ты только представь: это — человек. Когда-то живой человек. Он погиб здесь, защищая эту Гору. Сколько мы ещё с тобой найдём таких? Ни имени, ни фамилии. Даже родственников не отыщешь, не похоронишь по-человечески, — с сожалением лепетал начинающий поисковик, устремляя взор в пустые глазницы.

Скелетов он не боялся. Глядя на найденный череп, он представлял лицо безусого молодого солдата.

— Сложно тебе придётся работать врачом. Сострадательный слишком, — устало буркнул Миша, усевшись перед костром на свою куртку.

Но Семён продолжал рассуждать:

— Ему ведь не больше двадцати было, Миш. Как мне и тебе. Родись мы на век раньше, и может...

— Погибли бы в битвах под Сталинградом, на Курской дуге... Но всё-таки там ещё был шанс выжить, а здесь — нет: самое гиблое место на фронте.

— Почему? Чем Сталинград легче Зайцевой? — Сёма уже привычно ткнул Мишку в бок острым локтем, и тот отодвинулся на край куртки.

— Тем, что от этой Горы зависел ход войны. В сорок втором немцы засели в населённых пунктах и оккупировали ведущие к ним дороги. Особенно жестоко сражались тогда за подступы к Москве. Страшно получается, да? Дороги и города за немцами, а вся территория рядом в руках Советов. Вот тогда-то и началось это сражение...

То ли от наступившей темноты, то ли от разыгравшегося воображения, у Сёмы по рукам пробежали мурашки.

Миша продолжал:

— Январь. Снег по колено. Бездорожье. Даже лошади бесильны. Припасы кончаются, патронов нет. Бойцы уже идут в штыковую. Представь... В штыки... Лоб в лоб... И ведь до немцев-то метров пятьдесят, совсем ничего, но пройти эту границу — значит умереть. Видишь вон то поле? — он ткнул пальцем куда-то в темень. — Оно было усеяно минами. Не трясись, там уже с металлоискателями прошли, мы-то уж точно не подорвёмся. А вот тогда... Тогда немцы стали называть эту битву Московским Верденом, а для нас это место стало Высотой смерти.

Миша, хоть и сидел у самых углей, но почувствовал спиной звенящий холод и от того вздрогнул всем телом. Под боком раздался голос товарища:

— Мы ведь на костях сидим, — просипел Семён, немигающим взглядом глядя на тлеющие поленья.

— И не только на них. Здесь чего только не находили. Вожатый говорил, что здесь больше двух тысяч полегло. Лучше не думай об этом, Сём. Крепче спать будешь. Да и вообще, бояться не мёртвых надо...

— Их надо уважать, — твёрдо ответил Семён, покосившись туда, где ещё при свете дня чернели глазницы. — Кто, кроме нас, их найдёт, упокоит?

— Не знаю, Сёма. И не думал об этом. Может, будь тут народу побольше, мы бы уже давно всех нашли. А пока надеяться не на кого. Мы им обязаны... Ещё как обязаны. Сохранить память о бесстрашии наших солдат — это единственный способ им сказать «спасибо».

Мишка рухнул спиной на траву, вытянулся и посмотрел в звёздную высь. Сёмка медленно опустился за ним на землю, не отрывая взгляд от небесной бездны.

— Спасибо...

— Что? — встрепнулся Мишка.

— Ничего, — прошептал в ответ Семён, взором провожая падающую звезду. — Спасибо!

Верина война

*Автор: Бородина Дарья Алексеевна, 11 класс,
МАОУ города Костромы «Гимназия № 25»*

*Направление: Великая Отечественная война 1941–1945 годов в истории
семьи участника конкурса*

Жанр: рассказ

*Моей прабабушке,
Румянцевой Вере Александровне,
труженице тыла, посвящается*

Благодать... Кругом ни души, и кажется, что на всём белом свете есть только ты и это необъятное летнее поле. Зелёным морем разлилось оно много веков назад, а теперь, как почтенный старик, дремлет, убаюканное полуденным солнцем. Ничем не нарушаемое спокойствие лёгкой пеленой накрыло всё это цветущее великолепие. Тишина нарушается лишь мерным шёпотом полевых трав: тут и васильки переговариваются с анютиными глазками, и донник чуть слышно хохочет жёлтыми цветками, и

ковыль, вторя ветру, величественно шуршит своими голыми стеблями. Даже неугомонные жучки скрылись от палящих лучей в тени раскидистых листьев лопуха, и только пчёлы гулко жужжат, мелькая своими полосатыми спинками. Редко пролетит, взмахивая чёрными крыльями, пронзительно крикнет и исчезнет в прохладном сумраке леса какая-то птица. Из родной деревни донесётся едва слышимый ребячий смех. Протяжно замычит корова, пасущаяся на дальнем лугу. Звуки эти, неторопливые и приглушённые, сольются воедино, нарушив умиротворённую тишину поля, и зазвучит симфония деревенской жизни.

Вера проснулась с первыми лучами июньского солнца. Предстоял тяжёлый трудовой день, как это всегда бывает в разгар сенокоса. Погремев рукомойником и выпив стакан парного молока, она выскочила во двор. На крыльце бани сидел Ена и точил косу, которая звонко повизгивала в умелых руках Веринного брата. Мать суетливо собирала котомку с обедом. Вера на секунду задумалась, невольно восхищаясь такой привычной, но милой сердцу теплотой родительского дома. От приятных раздумий её отвлек знакомый, по-соседски ласковый окрик соседа Матвеича: «Соловушки, готовы ли? А ну полезайте! Нонче желающих прокатиться хоть отбавляй!» Вслед за младшей сестрой и матерью Вера бойко и легко запрыгнула в телегу...

Рассвет заливал колхозное поле, заставляя каждый росток сверкать капельками росы. То тут, то там мелькали белые платочки односельчанок, слышалась мужицкая брань. Воздух, несмотря на раннее утро, казался по-особенному раскалённым, неподвижным. В нём витало необъяснимое предчувствие беды, нарастающее вместе с июньским зноем и дошедшее до наивысшей точки в полдень, когда даль разразилась чьим-то взволнованным криком. На горизонте, где поле соединяется с небом, появился человек, в котором Вера сразу признала Федьку Дьяконова, сына председателя колхоза. Он бежал, что-то иступленно

крича, размахивая руками, и чем ближе он становился, тем отчетливее слышалось слово «война»...

К началу августа из деревни уже забрали всех мужиков. Семья Соловьёвых проводила Ену и мужа старшей сестры Лиды. Вся тяжесть колхозной жизни легла на хрупкие плечи женщин и детей. Убранный осенью с большим трудом урожай почти весь отправили на фронт.

Немец нещадно топтал русскую землю и вплотную приближался к Москве. Деревня, в которой жила Вера, пусть и не была рядом со столицей, но, как и вся страна, ощущала тяжесть войны. Поздней осенью деревенских подростков, в числе которых была и Вера, отправили под Данилов копать окопы. Собирая наспех дочь, мама не успела положить Вере с собой ничего съестного. Да и класть было особо нечего. Оторванные от родительского дома, изнемогающие от голода и холода эти «маленькие взрослые» каждый день из последних сил рыли скованную первым морозом землю. Жили в землянках, спали на полу на соломе. Каждое утро, просыпаясь, Вера делала глоток ледяной воды и шла на работу. Когда подогнули кухни и сварили кашу, у ребят не нашлось даже ложек, и смыслённый Пашка Румянцев предложил черпать кашу кусочками хлеба.

— Вот бы ещё в баньке помыться... — мечтательно вздохнула Катька, отправляя в рот последний кусочек хлеба.

— Эх, да! Сейчас бы тятя как затопил баньку! — возглас Дениски Прохорова, сидевшего поодаль, получился каким-то по-детски жалобным, подавленным. Это слово «банька», кажущееся всегда таким привычным и простым, теперь приобрело особую ценность в сознании Веры: оно напоминало о доме, о запахе свежесрезанных берёзовых веников, о печке, по-хозяйски согревающей комнату своим жаром. Оно напоминало о маме, Ене и сестре Лиде...

Валящиеся с ног от усталости, мучившиеся от голода, грязи и вшей, тоскующие по родным деревням, совсем юные труже-

ники хотели домой — не насовсем, а хоть на часок... Они мечтали увидеть близких людей, обнять матерей, помыться в бане — и этого было бы достаточно для их сиюминутного счастья. Собравшись и дождавшись подходящего часа, они тихо и незаметно выскользнули из землянки и через лес отправились в сторону родных селений. На душе было беспокойно от того, что их побег могут заметить и будут преследовать, но в то же время радостно и светло, потому что они увидят родных и любимых людей.

Когда Вера открыла калитку и увидела похудевшую, измотанную мать, по её щекам поползли тоненькие струйки. Она плакала от счастья и от усталости одновременно. Вера, собрав последние силы, подбежала к маме и крепко, как только могла, обняла её — давно ей не было так спокойно и тепло...

Помывшись в бане, Вера зашла в дом и села за кухонный стол, на котором стояла, обволакивая комнату родным, знакомым с детства запахом, крынка парного молока. Мать хлопотала у печи. Вере казалось, что всё страшное и тяжёлое прошло, осталось там, в окопах, что дома по-прежнему живёт счастье. Мысли её прервал мамин голос — голос, который ей, Вере, снился холодными ночами, мелодичные звуки которого вспоминала она в минуты отчаяния.

— Горе у нас, Верочка. Муж Лиде уж какой месяц не пишет... Знать, что-то неладное случилось...

Вера попыталась успокоить мать, сославшись на военное время, неразбериху, но по материнским глазам поняла, что мать ещё что-то знает, но не смеет рассказать.

— Мамушка, что ты мне не договариваешь? Что, что там у Лиды?

Мама тяжело вздохнула и, нервно перебирая руками подол передника, начала говорить:

— Ты поди помнишь, что Сашку-то с Еной в один день забрали, и в Буе они вроде как вместе в поезд сели... а дальше-то, видно, по разным частям их раскидали... Уж числах в двадцатых

сентября они, правда, оба весточки прислали. Радовались мы с Лидой, что живы наши мужички, да и теперь будет куда новость хорошую отправить Сашке, что дочурка у него родилась... А тут за водой я пошла да глядь: по улице-то наш Сашка к своему дому бежит. Я встала и опомниться не могу. Как так? Откуда? Вёдра побросала и бегом к ним. Сашка, да как же это так? Откуда ты, родненький? Оказывается, эшелон стоял в Казаринове, он, дурак, не удержался и решил сбегать до дому, дочку-то посмотреть, а то, говорит, может, и не придётся больше увидеть... Уж как он ей любовался, всё прижимал, насмотреться не мог...

Мама тыльной стороной ладони смахивала редкие слезинки.

— А Лида-то засобиралась в Данилов, хоть луку немного продать на базаре... Сашка-то и решил ей помочь, а там, говорит, и эшелон свой догоню, он как раз на Ярославль должен идти... А в Данилове на перроне к нему патруль подошел и всё... Увели и Лиде ничего не сказали... Она, моя кровинушка, места теперь себе не находит, себя во всё винит... Да и девчушка-то всё хворает... внученька моя ненаглядная...

От безысходной тоски материнского голоса Вере стало опять так неуютно, как будто она и не вылезала из промёрзшей землянки. Холодок страха и тревоги блуждал по всему телу. Что, что теперь со всеми нами будет? Будет ли конец всем этим человеческим несчастьям?

Во дворе слышался шум, закричала обледенелая калитка. Без привычного весёлого окрика «Соловушки!» Матвеич зашёл в избу. «Собирайся, Вера, подброшу вас до Казаринова, а там попутным поездом доберётесь сами до Данилова... Ишь, придумали, сорванцы, баньки им захотелось... Баню бы вам хорошую задать», — в глубине души Матвеич сильно жалел ребятшек, понимал, что нелегко им приходится, потому и ругался не всерьёз, а по-своему, по-стариковски.

Поезд мерно покачивался на рельсах. За окном было пасмурно и только снег поблескивал белыми звёздочками. Кто-то

дремал, кто-то задумчиво смотрел на безрадостные пейзажи, пробегающие мимо.

— Ребята, гляньте! Там, у рельсов, лежит что-то!? — насто-роженно пролепетала Катька. Все, как один, прильнули к запотевшему, холодному окошку.

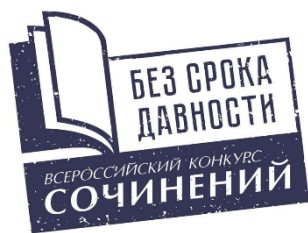
— Бинты это, кровавые. Видать, эшелон с ранеными недавно проходил, вот и повыкидывали на ходу! — как-то особенно резко бросил Пашка и отшатнулся от окна.

— А много-то как... — с холодеющим ужасом прошептала Вера. — Так и пестреют маками на снегу!

Все были напуганы, но теперь этот страх отходил на задний план, уступая место чувству нескрываемой злобы и ненависти к врагу. В каждом из ребят ярким пламенем загорелось желание во что бы то ни стало помочь своим отцам и дедам, каждый день сражающимся там, на линии огня, отстоять свою Родину.

Под Данилов, в промёрзлые землянки, подростки вернулись другими: каждый день, голодные и холодные, они с особым остервенением, не жалея сил, рыли эту каменную, мёрзлую землю. В их сердцах болью отзывались военные истории, рассказанные им в деревне, вспоминались окровавленные бинты и повязки, увиденные по дороге — потому они, больше не обращая внимания на грязь и усталость, трудились ради общей победы!

В поле по-прежнему тихо, словно и не было этих четырёх лет войны, полных ужаса, боли и страданий. Всё так же неторопливо шумит ковыль, раскачиваясь на ветру; шуршат молодые стебельки иван-чая; снуют из стороны в сторону расторопные шмели. По небу плывут мягкие безмятежные облака, отбрасывая свою тень на зелёное море трав. Долго ещё будут слышаться в этой звенящей тишине поля звучные, отрывистые голоса родных деревенских мужиков, не вернувшихся с войны...

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП / КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

2022 год

Кристалл времени

Автор: Смирнов Степан Николаевич, 8 класс,

МБОУ города Костромы «СОШ № 27»

Направление: Мемориалы и музеи Великой Отечественной войны 1941–1945 годов как память о геноциде мирных советских граждан

Жанр: очерк

«Без срока давности», «по праву памяти» — какие ёмкие и точные выражения! Есть право на жизнь. Значит, есть право на память о жизни людей. И жизнь, и память необходимо порой защищать. Жизнь нужно беречь от зла, а память... от равнодушия, разрушения, забвения.

Рождаясь, Жизнь и Память начинают отсчитывать свои шаги от малой родины, от родных мест. Их следы навсегда остаются на тропинках, ведущих от отчего дома...

У меня тоже есть своя дорожка к школе. Могу пройти по ней с закрытыми глазами. Иду мимо кустов сирени и дышу её ароматом, а если протяну руку, то кольнет меня слегка кустика шиповника. Немного дальше, за поворотом, пышной зелёной шеренгой выступают заметно подросшие ёлочки. А на больших деревьях кричат птицы...

Наконец, моя школа. Такая привычная, знакомая. К ней ручейками стекаются говорливые мальчишки и девчонки. Спешу и я в свой шумный родной 8 «В». Каждый день в школе нас ждут открытия, радость, шалости, беспричинный смех...

Но бывают особые дни, торжественные, когда мы, сегодняшние школьники, замолкаем у Памятного камня, чернеющего около тонких белых берёз, а гвоздики в наших руках горят, как алые пятнышки крови. Почему же мы замолкаем? Почему устремляем взгляд куда-то вдаль? Что пытаемся увидеть? Перед нами словно предстаёт Кристалл Времени. Вглядимся внимательнее в его прозрачные грани...

1938 год... Новенькая, только что построенная школа поблёскивает чистыми окнами. Она с волнением ждёт своих первых гостей. Сколько надежд, сколько радости!

1939 год... Нарядные девочки с их вечными белыми бантиками. И много-много мальчишек! Да и среди педагогов видим молодых и задорных мужчин. Как же это славно! Открытие школы, самый первый звонок! Да, много мальчиков... Только есть примета: мальчики рождаются перед войной. «Завтра была война», — напишет мудрый писатель Борис Васильев. «А мы и не знали, что за порогом нашего класса дежурила смерть. Мы были молоды, а незнание молодости восполняется верой в собственное бессмертие. Но из всех мальчиков, что смотрят на меня с фотографии, в живых осталось только четверо», — так скажет герой его повести.

Писатель говорил о своей школе, но его слышали все. А в нашу, двадцать седьмую, его приведут дороги войны...

1941 год. Из воспоминаний учителя русского языка: «...В годы войны было очень тяжело. У детей не было учебников, тетрадей, поэтому писать им приходилось на старых газетах и книгах. Мела тоже не было, поэтому на классной доске писали извёсткой. Но все дети старались учиться хорошо, так как отцы и деды ушли на фронт. В коридоре школы висела карта, на которой ежедневно красными флажками отмечали местонахождение наших войск».

От родного школьного порога один за другим уходят директора школы, педагоги: И. И. Сыромятников, Н. М. Суворов, Н. В. Дружинин, И. П. Шорохов. Память, спасибо, что позволяешь испытывать высокое чувство гордости за них.

Но вот заветный Кристалл, отображающий время, окрашивается алым. И мы отчётливо видим цифры... Да, это номер госпиталя — 1090. Наша школа превратилась в остров спасения для раненых. Номер госпиталя несколько раз менялся, но неизменными оставались бесстрашие и стойкость врачей, медсестёр, санитарок...

Сухие строчки архивных материалов: «В годы войны на территории Костромской области было развёрнуто около 50 эвакуационных госпиталей, 34 из них сформировали в Костроме. В госпиталях работали лучшие врачи. Часть женщин добровольно отдавали солдатам свою кровь и работали медсёстрами».

За этими строками боль, страдание, героическая стойкость медицинских работников и... надежда. Верю, что надежда жила в душах страдающих людей, а стены нашей школы помогали раненым не пасть духом, подставить дружеское плечо, встать на ноги. Верю, что в школьные окна тогда, как и теперь, заглядывал жизнеутверждающий солнечный луч и радовал выздоравливающих, согревал безнадежных...

Бинты, бинты, бинты, невыветриваемый запах йода и карболки, спешные шаги врачей и медсестёр. Сотни раненых приютила наша школа. Думаю, что после войны они с великой благодарностью вспоминали тех, кто помог им вернуться к жизни. Вспоминали и госпиталь, в котором лечились, общались, может быть, рассказывали о своих школьных годах, читали, писали письма. У каждого был за плечами свой нелёгкий путь, который привёл их в госпиталь № 1090. Этот тяжёлый, но славный путь защитника Отечества прошёл и писатель Борис Львович Васи-

льев. Будущий известный прозаик, такой ещё молодой, совершит немало прыжков с парашютом на захваченную фашистами родную землю, выведет своих однополчан из окружения под Смоленском и будет сильно контужен от взрыва минной растяжки. Дороги войны приведут Бориса Васильева в 1943 году в госпиталь в костромскую школу № 27.

Так и вижу Бориса Васильева в стенах нашей школы, сухощавого, подтянутого, с проникновенным умным взглядом. Какие драгоценные записи он тогда делал, над чем размышлял? Трудно тогда было, голодно. Читаю отрывок из интервью с писателем: «В сорок третьем, после контузии, меня отправили в госпиталь, в Кострому. Ослеп на время и говорил плохо».

Вот как! Ещё дороже становится для меня образ Бориса Васильева, и книги его роднее. И какие книги! «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Завтра была война», «Не стреляйте в белых лебедей!». И вспоминаются такие близкие для всех герои фильма «Офицеры». Любимая кинолента каждый год неизменно собирает семьи у телевизионных экранов и объединяет поколения.

Вглядываюсь в Кристалл. Молодой ещё паренёк Борис Васильев забрался на забор госпиталя и меняет сахарок на махорку. И тут же происходит удивительная встреча Бориса Львовича с будущим костромским драматургом. Продолжаю читать строки интервью: «Когда стал ходячим, раненые мне давали сахар и просили менять на махорку, которой было мало. Раненым тогда не давали махорки. Стали давать только с 1 января 44-го года. Так вот, я сидел на больничном заборе и менял у прохожих сахар на махорку. Идёт человек на костылях. Останавливается возле меня, я ему ситуацию объяснил, он до лавочки сходил, купил махорки и, как договорились, выменял её у меня на сахар. А потом после войны выступаем с Розовым на какой-то встрече с читателями. (Виктор Розов, драматург. Знаменитый фильм «Летят

журавли» — экранизация его пьесы «Вечно живые».) Естественно, за кулисами говорим о войне. Он сам из Костромы, на фронте ему ногу оторвало. Слушает мой рассказ про госпиталь, и вдруг: «Так это ты на заборе сидел?!» «Дорогой ты мой, так это ты на костылях ковылял?!» *(Смеётся.)*

Поразительно! Они встретились и потом узнали друг друга через много лет.

В школьной библиотеке рядами стоят книжки: есть старенькие, потрёпанные и совершенно новые, пахнущие неповторимым запахом типографской краски. И есть вечно живые книги о войне... Да, в библиотеке бумажные книги, а посмотри в окно: в школьном дворе живая картина — встреча авторов этих книг! И было, и будет так, как они напишут, и журавли полетят в майском небе не только столицы, но и всей Родины.

Кристалл Времени светлеет. Он почти невидим. Мы снова в мирном измерении. Но Кристалл — наша память, которая объединяет людей. И как необходимо нам такое объединение! Сквозь вечный Кристалл мы с одноклассниками смотрим на мемориальную доску, открытую в 2019 году в честь Дмитрия Тютина, ученика школы № 27, погибшего в неравном бою с боевиками уже в наше время.

Моей школе 84 года. Это как большая жизнь человека, которому есть о чём рассказать. И я внимаю этим рассказам. В такие минуты, наверное, взрослою и понимаю, что история может быть не книжной, а настоящей. И воспоминания о страшной войне никому не отнять. Эти воспоминания без срока давности...

Про бабу Соню

*Автор: Дорошина Александра Павловна, 10 класс,
МБОУ Костромского муниципального района Костромской области
«Караваяевская средняя общеобразовательная школа»*

*Направление: Великая Отечественная война 1941–1945 годов в истории
семьи участника конкурса*

Жанр: очерк

*Очерк написан на основе воспоминаний
моей двоюродной бабушки
о своей матери Дорошиной Софье Ефимовне*

Сколько звёзд раскалённых светит нам с высоты?
«Двадцать семь миллионов», — мне ответила ты.
Двадцать семь миллионов? Эта цифра точна?
«Ровно столько влюблённых погубила война...»

Игорь Воскобойников. «Звёзды»

— Ну что, Сонечка, пора нам прощаться... — прозвучал у моего уха голос Оси.

— Не говори «прощаться»! Мы же обязательно ещё увидимся, правда?

— Правда, — ответил Иосиф и улыбнулся так, как это делал один он, на щеках заиграли ямочки, — война скоро кончится, мы переедем с тобой в город, как мечтали, будем каждый день гулять в парке с маленькой дочуркой.

Он поцеловал Валю, сидящую у меня на руках. Потом взял её на руки и стал раскачивать нежно, с любовью, по-отечески. Но вот голос из репродуктора оповестил, что посадка на поезд «Мироновка — Киев» заканчивается. Муж отдал Валю мне и сразу стал серьёзным. Теперь он не юный мальчик, а взрослый мужчина, старший лейтенант, защитник своей страны. К горлу подкатывал ком, глаза застилали слёзы, но я ещё раз через силу улыбнулась ему напоследок. Заканчивался 1939 год...

22 июня 1941 Гитлер напал на Советский Союз. Чёрная дата моей жизни. Украина оккупирована немцами. Я с маленьким ребёнком вынуждена была спасаться бегством. Было решено ехать в Москву. Железная дорога не работала, добираться пришлось на попутках. Ехали на перекладных, в телегах на лошадях, шли пешком — лишь бы дальше от фашистов. На ночлег останавливались с Валечкой у добрых людей. Видя маленького ребёнка на руках, обычно никто не отказывал в помощи. А утром снова в путь. Так мы добрались до Рязани.

Этот город остался в моей памяти навсегда. Приехали днём, остановились ночевать в доме одинокой женщины на окраине. Вечерело. Я постирала бельишко и развешивала его во дворе. Валя играла рядом на расстеленном одеяле. Дул тёплый летний ветер. Вдруг раздался истошный пронзительный крик хозяйки:

— Ты что!? Сдурела!? Я тебе косы-то повырываю! Что творишь? Быстро снимай свои тряпки!

С этими словами она захлопнула дверь, и я услышала стук деревянного засова. Она заперлась... Душа ушла в пятки, когда я поняла, что произошло.

В воздухе послышался ещё один звук — гул боевого самолета и свист падающих на землю бомб, а затем грохот взрыва. Светлые развевающиеся простынки, как сигнальные флажки, привлекали внимание врага к нашему домику. Молниеносно кинулась срывать бельё. Гул в воздухе нарастал. Бешено стучусь в дом и прошу о помощи, а на руках плачет Валечка. Мне не открыли... Не зная, что делать, трясясь от страха, я побежала в сад и легла под раскидистым кустом, обняв дочку. Не знаю, сколько времени мы так лежали. Час, два, может быть, целую ночь. Проснулась я от холода. Стояла гулкая тишина, даже кузнечики не пели свои скрипучие песни.

После той ночи моя вера в людей пошатнулась. Я стала осторожнее, внимательнее. На следующий день, собрав вещи под

презрительным взглядом хозяйки, я ушла искать дом для ночлега. Беда не приходит одна. Валечка заболела, металась в жару. Я ничем не могла помочь своей кровиночке. Через день моя доченька умерла... Моя жизнь оборвалась, остановилась... Слёз не было — все выплаканы, почернела душа. Мне незачем было бежать дальше, в Москву, в безопасность... Только любовь к Иосифу заставляла меня вставать по утрам и что-то делать. Где ты, мой родной Иосиф? Где ты, моя любовь? Что с тобой?

Я осталась в Рязани и устроилась работать на хлебозавод. Здесь была еда, это было самым главным. Я носила на себе мешки с мукой, которые весили, как я, мыла пекарскую посуду, грузила хлеб в грузовики. Не отказывалась от самой тяжёлой и грязной работы, потому что это был шанс заработать лишний кусок хлеба. К концу смены я выматывалась так, что, придя домой, валилась замертво. И не было места мыслям о дочери и муже.

Наступило лето 1943 года. Обжилась в Рязани, нашла квартиру. Вестей от мужа не было два с половиной года. Тоска теснила грудь: где он, мой родной Ося? И вот однажды рано утром, когда я шла на работу, случилось настоящее чудо. На улице в столь ранний час было уже много народу: одни спешили на завод, другие — с ночной смены домой. Вдруг меня кто-то окликнул:

— Соня! Сонечка! Родная моя!

Смотрю: навстречу мне спешит молодой военный. В голове промелькнула мысль: «Он так похож на моего мужа...». Я не успела понять, что произошло, как меня уже кружил на руках мой ненаглядный Ося, и ямочки снова играли у него на щеках. Исхудавший, осунувшийся, но такой родной. Прижалась к нему, не верю своему счастью: как такое могло случиться, как он здесь оказался... Впервые за четыре года я дала волю слезам, не сдерживая рыданий, рассказала о пережитом. Я уткнулась мужу в

плечо, а он гладил меня по спине и успокаивал, как маленького ребёнка. Так и стояли посреди улицы, точно время остановилось.

— Меня ждут. На какой адрес я могу тебе писать? — словно откуда-то издалека я услышала голос любимого.

Смотрю и не понимаю: неужели опять расставание... Я назвала адрес съёмной квартиры. Вцепилась в него, с тревогой всматриваясь в родные черты:

— Обещай, что мы снова увидимся...

Ося молчал... Прижал меня к себе крепко-крепко и поцеловал. Мы расходились в разные стороны, постоянно оглядываясь друг на друга. Когда я снова тебя увижу, любимый Ося?

Оказалось, что никогда... Через неделю пришла похоронка. Мир снова померк. Горячо любимый мною человек погиб. Я не могла и не хотела в это верить. Не хотела верить, что я больше никогда не увижу родных и любимых ямочек на щеках Оси, когда он улыбается, не увижу его добрых, немного с прищуром глаз... Я не знала, ради чего жить? Муж и дочь погибли, семьи не стало. Где-то на Украине ещё оставалась мама, но я даже не знала, жива она или нет. Мне казалось, что моя жизнь закончилась в тот момент, когда я получила похоронку. Я что-то ела, пила, ходила на работу... Но вокруг было пусто и темно... Я сильно похудела и постарела, от моей былой красоты не осталось и следа.

Однако в этой молодой старушке кто-то смог рассмотреть былую красивую, весёлую, жизнерадостную Сонечку. Это был Иван. Что и привлекло его во мне, не знаю. Он работал водителем и часто проезжал в обеденное время мимо нашей импровизированной столовой. Он заметил меня и предложил мне работу в Подмосковье тоже на хлебозаводе. Недолго думая, я согласилась: меня ничто здесь не держало, а тяжёлые воспоминания, связанные с Рязанью, только мучили и терзали душу.

Так я познакомилась со своим вторым мужем Иваном Дорошиным. Любила ли я его? Не знаю. Слишком глубоки были раны, слишком тяжелы потери. Чувство благодарности, уважения и его безграничная любовь — вот что стало основой нашего брака. Для меня появился смысл жизни, я снова, хоть и изредка, стала улыбаться. Работа оставалась всё такой же тяжёлой, но мысль о том, что я приду домой и принесу хлеб не только себе, но и дорогому человеку, придавала сил. Скоро война кончилась и в победном 1945 году у нас родилась дочь, да, конечно, назвала я её Вале́й, Вале́чкой... А ещё через два года появился сын Саша. Жизнь налаживалась.

Со временем я полюбила Ивана, его невозможно было не по-любить. Его забота, теплота, внимание отогрели меня. Но я всегда помнила про своего Осю и свою старшую дочь. Бережно хранила память о них в своей душе. Частичка моего сердца всегда принадлежала им. Изредка они приходили ко мне во сне. Я ви-дела Осю с нашей маленькой дочуркой на руках.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая...»

Мой папа родился, когда бабы Сони уже не стало. Но многочисленные рассказы о ней и тёплые воспоминания сделали бабу Соню для него близкой и родной. О ней всегда говорили, как о человеке, который может всё: испечь пироги, сложить печь, наколоть дров, всегда выслушать и помочь. Папа всегда хотел, чтобы его дочь обязательно носила имя прабабушки. Мою младшую сестрёнку зовут Дорошина Софья.

Детство, растоптанное войной

*Автор: Гайдучёнок Егор Евгеньевич, 2 курс,
ОГБПОУ «Галичский аграрно-технологический колледж
Костромской области»*

*Направление: Дети в истории Великой Отечественной войны 1941–1945
годов*

Жанр: рассказ

Великая Отечественная война... Что может быть страшнее этих слов для тех, кто прошёл все испытания и вернулся домой. Много лишений пришлось пережить нашим предкам за годы борьбы с фашистами. В моей семье на разных фронтах воевали прадеды и один прапрадед.

В Карелии, в партизанском отряде «Вперёд», воевал Гайдучёнок Владимир Андреевич. Он был кадровым офицером советской армии в звании младшего лейтенанта и командиром партизанского отряда. На Балтийском флоте, в Балтийском флотском экипаже воевал Смирнов Геннадий Николаевич. Служил он на канонерской лодке «Красное Знамя» и на бронекатере 505 в должности боцмана. Он защищал Ленинград и подступы к Кронштадту. В железнодорожных войсках воевал мой прапрадед Цветков Алексей Николаевич. Все они яростно и самоотверженно защищали свою Родину, с победой и наградами вернулись домой. Но мой рассказ будет не об этих доблестных воинах, а о маленькой девочке Оле, которой пришлось очень быстро повзрослеть.

В далеком 1932 году 22 ноября в деревне Сальково Галичского уезда Костромской губернии, в семье Цветковых Алексея и Павлы, родился первенец, этим первенцем была моя прабабушка Пуарэ (Цветкова) Ольга Алексеевна. Когда началась война, маленькой Оле было 8 лет. Кроме неё в семье было ещё двое детей. Маленькой Тоне был годик, средней Люсе 6 лет.

С начала военных действий прапрадед Цветков Алексей Николаевич работал на Северной железной дороге станции Галич, ремонтным рабочим 3 класса. На войну его не призвали, у него была бронь.

Когда началась война, Оля ещё не знала, что это такое, ей было не очень понятно, почему у военкомата много народу, почему все взрослые плакали, когда молодые люди покидали свой дом. В феврале 1942 года Олиного папу призывают на фронт, в железнодорожные войска. И тут Оля всё поняла: её папу тоже может забрать война. Она заплакала. Когда эшелон с бойцами отправлялся от станции, папа подошёл к дочери и сказал: «Не плачь, Оленька. Ты старшая, оставайся за хозяйку, мама будет работать, а ты следи за домом, за сёстрами». С такими словами глава семейства отправился на фронт. В этот момент Оля поняла: детство закончилось, началась взрослая жизнь.

Она стала своим сёстрам вместо мамы, вместо папы. С уходом отца на фронт семья решила на переезд в соседнюю деревню Житково, к родителям Павлы Константиновны. Живя у своей бабушки, Оля заботилась о сёстрах, на её плечах ещё лежал уход за коровами — одна корова их, вторая бабушки и дедушки. Маленькой девочке приходилось носить воду в больших вёдрах на коромысле. Вёдра почти касались земли, а носить воду приходилось из водоёма, который был очень далеко. Оле было тяжело, но она помнила слова своего отца о том, что надо помогать маме.

Прожив около года в доме бабушки, семья решила вернуться в свой дом, в деревню Сальково, так как за то время, что они не жили доме, его стали потихоньку грабить. Всё это время Павла Константиновна работала на лошади в колхозе. Лошадь была большая, сильная, статная, не каждый мог ею управлять, но Олина мама с лёгкостью могла на ней ездить. Позже маму перевели из колхоза на место её мужа, в железнодорожную ремонтную бригаду. Работа в бригаде была тяжёлая, мужская, хотя

в ней работали одни женщины, и лишь бригадир был мужчина. Эта бригада занималась ремонтом рельсов и строительством железнодорожных путей. И вот однажды с ней произошла такая история: надо было заменить рельсы, в это же время должен был пройти через их станцию скорый поезд с ранеными. Как я уже говорил, в бригаде работали одни женщины, рельсы были очень тяжёлые, они им плохо поддавались. А времени оставалось мало до того момента, когда должен пройти скорый поезд. Бригадир очень переживал, так как женщины не могли положить рельсы. Он их всё уговаривал, упрашивал. «Бабоньки, скорей, бабоньки, скорей...». Моя прабабушка рассказывала: «Мама моя была здоровая, сильная, крепкая женщина. Вот она навалилась из последних сил на рельсу, и все вместе её поставили на место, только успели забить четыре костыля, чтобы рельса не соскочила, — и поезд с ранеными успешно проехал. После этого все женщины упали со страха». Когда прабабушка рассказывала эту историю, она плакала.

В то время, когда мама моей прабабушки была на работе, а работала она по 12 часов, маленькая Оля следила за домом, ухаживала за коровой: поила её, пасла в поле. Также Оля работала на огороде: выращивала овощи. Этим и питались. Однажды в деревне появились беженцы, они приехали из Латвии. Жили очень бедно и иногда у семьи Цветковых просили квашонку, чтобы испечь хлеб. В квашонке всегда была опара для выпечки хлеба, а беженцы возвращали чистую квашонку, маму это сильно огорчало. Хоть семья и жила небогато, но хлеб им мама пекла всегда. Правда, хлебом-то его назвать можно было с трудом. Это колобушки из мелко нарубленной крапивы и горстки муки. Муку покупали на базаре или выменивали на другие продукты питания.

Прабабушка рассказывала: «Когда я училась в 3 классе, мама сварит чугуна картошки, даст нам по одной картошине, нальёт полчашки молока, остальное молоко надо было продать,

и с этим идём в школу». К этому времени средняя дочь, Люся, тоже училась в школе. Это была 16 железнодорожная школа (ныне 4 средняя школа имени Н. Ф. Красовского). Там им давали по 50 граммов хлеба. Учительнице выдавали буханку, — а буханки, прабабушка говорила, были очень большие, — она её делила и выдавала ученикам. Ещё прабабушка рассказывала: чтобы не замёрзнуть, вязала себе носки из старых ниток...

Весной, летом и осенью Оля с мамой заготавливали дрова. Они их возили на санях, телегах к дому. Старались собирать сухие ветки, потом их пилили и убирали. Однажды её мама выменяла сухие дрова на вытопки. (Вы́топки — остатки, полученные при вытапливании чего-либо (сала, жира и т. п.). — *примеч. ред.*) Семья надолго была обеспечена вкуснятиной, они очень долго на них жарили картошку.

В августе 1944 года под Ригой часть прапрадеда попала в окружение и в плен. В это время в семью Цветковых постучалась беда: на имя старшей дочери Ольги пришла телеграмма из трёх сухих слов: «Пропал без вести». Маме Ольги ничего не оставалось, только жить дальше и воспитывать своих дочерей...

Так в горестях и лишениях жила моя прабабушка во время войны. В мае 1945 года отгремели салюты, солдаты вернулись с фронта, только глава семейства не вернулся домой. Оля во всём помогала маме, она помнила наказ отца: «Ты старшая, оставайся за хозяйку». Ей нельзя было сдаваться, и она не сдавалась. С наказом отца Ольга прошла через всю жизнь: «Я старшая, я за хозяйку».

Но в июле 1945 года в дом Цветковых пришла весточка: их папа и муж жив, жив... Он находился в госпитале, в Чехословакии, на лечении. В 1945 году, к празднованию Великого Октября глава семейства был дома. Радовались все, но больше всех радовалась Оля. Они смогли, они выстояли и победили, вернулись к

мирной жизни, пусть к непростой, но к мирной жизни. И в новом мире, в новых условиях им надо было строить послевоенную жизнь.

В 1947 году в семье Цветковых родился долгожданный мальчик, и вновь Оля помогала родителям нянчить маленького брата.

В 1948 году, весной, не окончив школы, Оля уехала в Кострому. Она поступила в ткацкое училище, но, так как школа у неё была не окончена, ей параллельно пришлось получать среднее образование. Оля утром училась в текстильном училище, (определили её в ткачихи, потом перевели в прядильщицы), а вечером она проходила практику на льнокомбинате имени Ленина. Жила в общежитии. Прабабушка рассказывала, что некоторые девочки приехали из таких глухих деревень, где не было даже света, они не знали, что это такое, а одна девочка привезла с собой чугунок, но ей не разрешили его с собой взять в общежитие. А другая девочка приехала в лаптях. Они были из дальних Кологривских деревень. В училище всем ученицам выдали сапожки и туфельки. Оля отучилась полтора года и получила профессию ткачихи и прядильщицы-мотальщицы. По окончании учёбы она устроилась работать на льнокомбинат имени Ленина прядильщицей, проработала там 7 лет.

Приехав один раз в отпуск в родной город, Оля познакомилась с будущим мужем Пуарэ Леонидом Борисовичем. В 1956 году вышла замуж и уехала со свидетельством о браке увольняться с льнокомбината (раньше можно было уволиться лишь в том случае, если девушка вышла замуж и уезжала жить в дом к мужу).

В городе Галиче она работала в райкоме комсомола, в её ведомстве была группа молодёжи. Потом, через пять лет, она устроилась в больницу сестрой-хозяйкой. Когда выстроили новую больницу в городе, её перевели в прачечную на должность

заведующей. В подчинении были кочегары, прачки и дезинфекторы. В этой должности она проработала до пенсии. В декабре 1999 года моя прабабушка ушла на заслуженный отдых. С мужем у них родилось две дочери, но младшая дочь, к сожалению, погибла в школьные годы при сборе металлолома. Осталась одна дочь, моя бабушка.

Я считаю, что прабабушка, да и все дети войны заслуживают особого внимания. На их детские плечи легла совсем не детская ноша. Дети войны, как могли, помогали родным и Родине в борьбе с фашистскими оккупантами. Они в один момент стали взрослыми. Кто постарше, встал к станку, сел за руль трактора, комбайна — они трудились наравне со взрослыми, тем самым приближали победу.

Всё изложенное выше записано со слов моей прабабушки Пуарэ Ольги Алексеевны. На данный момент она живёт в городе Галиче, ей 89 лет. Это её детство было растоптано войной, но со всеми бедами она справилась. Я очень люблю, ценю и уважаю мою прабабушку. Долгих ей лет жизни.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП / КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

2023 год

Русские своих не бросают

Автор: Звонарёва Алина Максимовна, 6 класс,

ЧОУ города Костромы «Христианская гимназия «Свет миру»

Направление: Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Жанр: эссе

С первых дней специальной военной операции на Украине наша семья внимательно следит за развитием событий. Недавно мы смотрели «Вести недели» и слышали страшные слова, сказанные Борисом Гребенщиковым: «Россия варварски, чудовищно, непристойно напала на Украину. Это фашизм — уничтожение одной нации другой». Борис Гребенщиков — умный, образованный человек, поэт, музыкант, композитор, кумир многих, поэтому так удивило и расстроило его выступление.

После услышанного я начала думать, вспоминать. Что такое фашизм? В памяти всплывает весенний денёк: мы с бабушкой спешим на первое моё большое выступление. Наш хор будет петь в ДК «Патриот» (сейчас — Дом Музыки). На душе радостно, светло и немного тревожно. И вдруг я вижу обгоревшую стену разрушенного дома с забитым крест-накрест окном. Рядом лежат игрушки и цветы. Я невольно останавливаюсь: «Что это, бабушка?» — испуганно спрашиваю я. «Это памятник детям блокадного Ленинграда. Я расскажу тебе об этом дома, а теперь надо идти», — говорит она. Но я стою, не в силах сдвинуться с

места. Вечером от бабушки я узнала, что в Кострому из блокадного города было эвакуировано более десяти тысяч детей и подростков. Около трёхсот детей умерли, не сумев оправиться от последствий голода, холода, потери родных. Так же, как Таня Савичева. Она символ тех страданий, которые перенесли все жители Ленинграда. Её дневник, состоящий всего из девяти записей, передаёт весь ужас, который испытала девочка, когда один за другим умирали её близкие. Таня Савичева была эвакуирована в Горьковскую область, она умерла 1 июля 1944 года, так и не дожив до Победы.

А вот ещё один факт злодеяний немецких фашистов. Вражеские лётчики на станции Лычково разбомбили эшелон, на котором пытались вывезти детей из Ленинграда в тыл. Тех перепуганных малышей, кому удалось спастись и спрятаться, фашистские асы находили и расстреливали. Было убито две тысячи детей. «Рано утром над ещё не проснувшейся станцией появились фашистские самолёты и начался кошмар. Несмотря на то, что были выставлены белые с красным крестом флаги, эшелон в короткое время разбомбили целиком», — вспоминает участник Северо-западного фронта, капитан в отставке Юрий Макаров.

За долгие четыре года, которые продолжалась Великая Отечественная война, дети, от малышей до старших школьников, сполна испытали все её ужасы.

Кто не знает белорусской деревни Хатынь? 22 марта 1943 года фашистские каратели живьём сожгли 149 жителей, в числе которых было 76 детей. С какой жестокостью немцы уничтожали огнём сёла вместе с местными жителями, оставляя после себя только развалины! В книге «Уничтожение городов и деревень в Европе в годы Второй мировой войны» под редакцией В. И. Забаровского можно прочесть, что по всему Советскому Союзу немцы разрушили 1710 городов и более 70 тысяч сёл и деревень.

Трудно вспоминать о злодеяниях фашистов, но особая боль — это концлагеря. Миллионы узников концентрационных лагерей были убиты, погибли от жестоких издевательств, болезней, плохих условий содержания, истощения, тяжёлого физического труда и бесчеловечных медицинских опытов. Фашисты пригоняли туда и детей. Оторванные от родителей, они испытывали все ужасы концлагерей, многие из них погибли в газовых камерах. Саласпилсский лагерь печально известен своей «фабрикой» по перекачке детской крови. Маленьких узников использовали в качестве доноров крови и кожи для раненных немцев, кроме того, над ними проводили опыты для испытания ядов. Прямое уничтожение, медицинские опыты, донорство — всё это приводило к неминуемой смерти малолетних заключённых концлагерей, в каком бы месте они ни находились: Саласпилс, Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен... Дети, в сравнении со взрослыми, имели гораздо меньше шансов на выживание.

Сотни тысяч мальчишек и девчонок в годы Великой Отечественной войны шли в военкоматы, прибавляя себе год-два, чтобы защищать Родину. В документальном фильме «Ангел милосердия» рассказывается о Вале Ивановой, которая, приписав себе два года, была зачислена санитаркой в 130-й стрелковый полк. Девочка терпеливо переносила все тяготы войны, чудом осталась в живых, дошла до Берлина и расписалась на стене Рейхстага. Дети воевали наравне со взрослыми и в действующей армии, и в партизанских отрядах. Они проявляли недетскую силу духа, смелость, способность к самопожертвованию и подвигу во имя Родины. Я уверена, что мои ровесники читали о мужественных поступках Лёни Голикова, Марата Казея, Лары Михеенко, Вали Котика, Тани Морозовой, Зины Портновой и многих других ребят. Большинство из них погибли.

Наш народ сражался за свою землю, за свой дом. А что нужно было фашистам? Они пришли грабить и убивать. В одном

из пунктов «Памятки немецкого солдата» было написано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навек».

И они убивали. По известной статистике Великая Отечественная война унесла жизни около 27 миллионов граждан Советского Союза. Из них около 10 миллионов — солдаты, остальные — старики, женщины, дети. «Для нацистов уничтожить наше государство можно было, только уничтожив его будущее — детей. Дети с исторической самоидентификацией, помнящие своих родителей, дом, страну, — вот что было самым опасным для врага», — подчёркивает Елена Малышева, декан факультета архивного дела историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, член рабочей группы проекта «Без срока давности».

Размышляя над этими фактами, я невольно задумалась над вопросом: «Разве наши воины на Украине поступают так, как немцы в годы Великой Отечественной войны?» Я спросила у родных, что же происходит на Украине, и выяснила, что на территории Украины находится много русских, коренных жителей этих земель. Однако русский язык, на котором говорит подавляющее большинство населения страны, там практически запрещён. В школах детей обучают только на украинском языке, поэтому некоторые области отделились от Украины и организовали народные республики — ДНР и ЛНР. С 2014 года Киев пытается вернуть эти территории: восемь лет обстреливаются города и другие населённые пункты новых республик. Гибнут мирные жители, в том числе дети. В Донецке убито более ста детей, они похоронены на Аллее ангелов, а могли бы жить.

С 24 февраля 2022 года Россия помогает своим братьям отстаивать их права: мирно жить на своей земле, разговаривать,

думать, учиться на родном языке, помнить и чтить своих прадедов, победивших в Великой Отечественной войне. Мне, конечно, трудно разобраться в вопросах политики, но то, что русские солдаты не фашисты, я знаю точно. Они не расстреливают мирных жителей, в России нет концлагерей, нет блокадных городов на территории Украины. Наоборот, русские солдаты привозят в освобождённые районы гуманитарную помощь, настаивают на выводе детей и женщин из зоны военных действий. Они не бомбят жилые кварталы украинских городов.

Знает это и Борис Гребенщиков. Зачем же он порочит русский народ? Пока у меня нет ответа на этот вопрос. А как думаете вы?

Игорёк

*Автор: Сергеева Вероника Анатольевна, 9 класс,
МОУ гимназия № 1 имени Л. И. Белова города Галича
Костромской области*

Направление: Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Жанр: рассказ

— Подайте милостыньку! Тётенька, ради Христа! — слабым голосом просил мальчик.

Женщина посмотрела на ребёнка грустными глазами. За пазухой у неё был маленький кусочек хлеба, его она бережно несла своему больному сыну. Жалко ей было малыша, ведь он тоже чей-то сын. Но она всё же отломила кусочек, такой крохотный, что Игорьку с трудом удалось удержать хлеб в замёрзших пальчиках.

— Спасибо, тётенька! — еле произнёс мальчик, кутаясь в старое изорванное пальтишко: рукава были коротки, некоторых

пуговиц не было. Игорёк быстро проглотил хлеб, даже не успел почувствовать его вкуса.

«Я хоть немножко поел, — подумал мальчик, — а дома братья, сёстры, мама. Как же холодно! Надо ещё просить милостыню».

И побрёл малыш по улицам своего города Ленинграда, дыша на заочечневшие пальчики, но это мало помогало. Он боялся уйти далеко от дома, ведь ему было только шесть лет.

Игорёк рос в большой семье. Десять детей! А что удивляться? Раньше у многих были такие семьи. Было у него ещё два брата, остальные — сёстры. Семья часто переезжала, потому что отец был военным ветеринаром. Так они оказались в Ленинграде. Жили хорошо, все были здоровы, сыты. Дети беззаботно радовались этой нежной и светлой поре своей жизни. Родители их любили. Через год Игорёк уже должен был пойти в первый класс, он немножко завидовал своим старшим сёстрам, которые сами читали книжки. Игорёк, как и все дети, ходил в детский сад, играл с друзьями, братьями и сёстрами, очень любил смотреть, как мама готовила, любил ухаживать за цветами на окошке. Поливать цветы была его обязанность. А ещё он очень любил своего кота Рыжика. Однажды папа принёс домой маленький рыженький комочек, который так жалобно пищал, что Игорёк даже заплакал. Но именно его, Игорька, и выбрал Рыжик своим настоящим хозяином. Мальчик ухаживал за питомцем, поил молоком, возился с ним постоянно. За такую заботу Рыжик тоже благодарил Игорька своим мурлыканьем и ночлегом у изголовья. Началось последнее лето перед школой. Семья мечтала куда-нибудь выбраться из города. Все о чём-то мечтали.

Но война не дала сбыться многим мечтам. Отца Игорька призвали сразу, ведь его профессия очень нужна, особенно на войне. Как сразу осиротела семья! Мама посидела за одну ночь. Старшие сёстры плакали вместе с мамой. Те, кто были помладше Игорька, да и сам он, ходили грустные, не особо понимая всего

ужаса предстоящих событий, но подчиняясь общему горю. Игорёк плохо помнил отца в момент расставания, но слёзы, причинения, а потом мёртвую тишину он не забудет никогда. Мама долгое время была какая-то отрешённая, молчаливая. Однажды ночью Игорёк проснулся и услышал надрывные глухие стоны. Он приоткрыл дверь в мамину комнату и увидел при свете луны, как мать рыдала в подушку, сдерживая крики, чтобы не слышали дети. Самые младшие не могли долго горевать, они играли, бегали, смеялись. Старшие были тихими, молчаливыми. Игорёк долго не понимал, можно ли ему бегать и веселиться, он стал бояться невидящего взгляда матери.

А потом началось самое страшное. Блокада, бомбёжки, голод, холод, смерть. Была семья большая. Остались мама, Игорёк, брат Олег и сестра Галя. Из десяти только трое. Тяжело было матери прокормить своих детей, ещё тяжелее видеть их страдания и смерть... Игорёк стал совсем худенький, еле держался на ногах. Большие красивые глаза впали, теперь в них отражался только ужас. Игорёк до конца не понимал слов «фашисты», «изверги», которые твердили все вокруг. Его пугали вой сирены, постоянные бомбёжки, крики, стоны людей, плач детей. Игорёк и сам очень часто плакал, но так, чтобы этого никто не слышал. Кот Рыжик долгое время согревал мальчику и тело, и душу. Прижмётся Игорёк своей маленькой щёчкой к пушистому другу, вспомнит другое мирное время, улыбающихся родителей, и потекут из глаз чистые детские слезинки. Так и заснёт в обнимку с Рыжиком. Тепло станет и маленькому худенькому тельцу, и детской душе, опалённой войной. Но скоро не стало у Игорька друга, мурлыкающего на ухо песни. Исчез Рыжик и всё. Игорёк ходил искать кота, звал его умоляющим голосом. Мама говорила, что кто-нибудь приманил Рыжика, а потом съел. От этой страшной новости Игорёк заболел, у него начался жар. В бреду мальчик повторял только одно слово: «Рыжик, Рыжик!»

Страшнее всего для Игорька был голод. Если с холодом ещё как-то справлялись (надевали всю одежду на себя, грелись у

огня, спали все вместе), то о голоде нельзя было забыть ни на минуту. Игорёк вспоминал, какую вкусную жареную картошку с грибами готовила мама, какие румяные пирожки она пекла раньше. А шоколад? А мороженое? Про это давно все забыли. Когда было совсем тяжело в семье, мать отправляла старших детей просить милостыню. Были дни, когда простишь на морозе, а придёшь домой ни с чем. Всё самое ценное в доме было давно продано или обменяно на дрова, еду.

Помнил Игорёк, как сёстры засыпали в холодных кроватях, а утром он не мог их разбудить. Засыпали они мёртвым сном. Мама уже не плакала, она только тихо говорила: «Вот и ещё один отмучился». В доме становилось пусто, страшно. Первыми ушли младшие дети, они стонали от голода, а потом замолкали навсегда. Игорёк боялся ложиться спать и не проснуться.

Но всему приходит конец. Когда блокада была снята, осиротевшая на столько детей семья смогла переправиться в Костромскую область. Везде находились добрые люди, которые помогали Игорьку и его родным. Ведь беда для всех была одна — война. Война, которая погубила столько невинных детских жизней. Война, которая оставила детей без отцов и матерей. Война, которая отняла счастливое время детства.

После войны вернулся домой отец, только недолго прожил с семьёй. Вместе с матерью отец часто вспоминал умерших детей. Сидели они вдвоём в обнимку и плакали. Игорёк подбегал к ним, прислонялся к их коленям и тоже плакал. Теперь он стал старше и многое уже понимал. О войне в семье не говорили. Каждый пережил не только общее горе, но и своё, личное. Никогда Игорёк уже не будет таким радостным и беззаботным, как был до войны. Никогда он не будет любить другого кота так, как любил Рыжика. Никогда он не забудет того ужаса, когда умирали сёстры и брат от голода, когда война растоптала его детскую душу.

Игорёк, Игорёчек... Я ведь тебя совсем не знаю. Мне не понять, что ты пережил в детстве. Но я люблю твою фотографию, на которой запечатлён красивый статный светловолосый юноша. А ведь у меня твой цвет волос! Жаль только, что таких кудрей нет. Жаль, что я тебя совсем не знала, умер ты молодым: сказались последствия блокадного детства. Но ты мой прадедушка, ты так ласково смотришь на меня с фотографии. Спасибо тебе за моё счастливое детство под мирным небом! Спасибо за бабушку, твою дочь, которая сейчас рядом со мной.

Удивительно, человека рядом нет, но ты чувствуешь его незримое присутствие в своей жизни. Был ты Игорьком, потом стал Игорем Александровичем, а для меня ты мой любимый прадедушка.

Гроза

Автор: Носкова Дарья Николаевна, 10 класс,

*МБОУ города Костромы «СОШ № 38 имени выдающегося земляка
дважды Героя Советского Союза Афанасия Петровича Шилина»*

Направление: Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Жанр: рассказ

Страдали взрослые и дети,
Страдали все от мук и зла,
Что поджигало всё на свете.
Сгорела Родина дотла.

И детский плач звучал повсюду,
Текли их кровь и реки слёз.
Уж верить перестали чуду
И понимали — всё всерьёз.

День задаётся солнечный, знойный, сжирает заживо нестерпимая духота. Где-то вдалеке, в нагромождении тяжёлых туч, мерцают яркие вспышки молний. Голова болит до невозможности, жалобно пульсирует в висках, жара снедает, печёт кожу.

— Гроза будет, — шепчет Витя рядом идущей сестре, Катке, и она, еле заметно кивая в ответ, понуро опускает голову.

Земля под ногами сухая, безжизненная, примятая сапогами и изуродованная следами танковых гусениц. Всё здесь кричит о смерти, о страхе, о диком ужасе, который уже давно поселился в сердцах советского народа.

За спиной у Вити идёт женщина с младенцем на руках. Спереди раздаётся череда выстрелов, и ребёнок, вздрагивая, начинает громко и жалобно плакать. Вместе с ним рыдает и его мать, потому что знает — это конец. На плач оборачиваются почти все.

Высокий мужчина, немец, идущий сбоку от них, хватая женщину за плечо и грубо выталкивает её из колонны. Младенец плачет всё сильнее, а взгляд у матери становится пустым, невидящим. Она пытается сопротивляться, когда ребёнка выдирают из её рук, но по ней стреляют сразу с двух сторон. Витя оборачивается и тут же зажимает глаза, когда видит, как автомат наводят на ребёнка.

Раздаются выстрелы. Плач утихает. Наступает замогильная тишина... Старик, идущий в конце колонны, с надрывом в голосе кричит:

— Дрянные детоубийцы!

Витя сжимает челюсти и поднимает взгляд к небу. Гроза точно будет. И обольёт она землю детскими слезами и кровью.

Их пригнали в концлагерь.

Через три месяца изнурительных работ, издевательств и бесчисленного количества смертей Витя понял, что это место —

огромная смердящая рана. Она гниёт, кровоточит, покрывается плесенью. Конца этой мерзости нет. Всё здесь пропитано кровью, и кровь эта, просачиваясь сквозь одежду, медленно и мучительно разъедает кожу.

Сегодня очередной день, когда Витю отправляют на строительство бараков. Многие дети до сих пор, начиная с первого дня в лагере, удивляются тому, как десятилетний мальчишка в одиночку управляет с такой тяжёлой работой. Витя таскает доски на плечах, и по его виду кажется, будто мальчишка ни на секунду не устаёт.

Сам Витя думает, что жить и бороться его заставляет только вера. Вера в то, что когда-нибудь этот кошмар закончится...

Где-то на горизонте, пылая бордовыми росчерками облаков, рдеет кроваво-красный закат. Нет ни единой тучки, но в воздухе отчётливо пахнет дождём. Витя, случайно роняя доски на землю, пугливо оглядывается, но рядом, к его счастью, никого нет. Кроме Кати.

Витя спешно собирает все доски в охапку, вытирает пот со лба и еле-еле разгибается. Взгляд его непроизвольно поднимается к небу, и на единственном уцелевшем глазу, который немцы пока не тронули, проступают слёзы. Это слёзы боли.

— Кать, — тихонько зовёт Витя.

— Ой?

— Как думаешь, — он замолкает, притрагиваясь пальцами к пустой глазнице, — гроза будет?

Катя на секунду задумывается, печально улыбается и проговаривает еле слышно:

— Будет, Витька. Будет.

Через полчаса на концлагерь обрушивается невиданной силы ливень. Это словно ливень из детских слёз.

Далеко в прошлое ушла война. Но искалеченные души тех, кто в детстве пережил её, по-прежнему кровоточат от боли.

— Они... Они просто взяли и... Не знал я, что произойдёт такое, даже не догадывался, верите? — слёзно тараторит Вовка, пока Катя гладит его по голове. — Бесчеловечные существа, немцы эти. Столько детей на моих глазах от их рук погибло, столько боли они принесли... Мне гвозди в спину втыкали... Брату моему младшему... Они... Не осталось от него ничего после.

Витя встаёт из-за стола и молча подходит к окну. Рука его крепко сжимает накрахмаленный ворот рубашки, и Катя, замечая это, нервно елозит на диване. Она смотрит на часы, стоящие на тумбочке, и обращается к брату:

— Тебе на работу пора.

Витя в ответ кивает.

— Пора.

Он стал врачом. Детским. Катя даже вопросов лишних не задавала — и так поняла его выбор. Она же стала учителем. Катя осталась без двух пальцев на левой руке, и дети часто спрашивали её, что случилось. Она каждый раз улыбалась и отвечала одно и то же: «Война никого не пощадила».

— Ладно, я... Я домой пойду, пожалуй. Спасибо за чай, — Вова благодарно кивает и, утирая слёзы тыльной стороной руки, накидывает на плечи лёгкую курточку. — Рад был познакомиться с новыми соседями.

Вова уходит, громко хлопая дверью. В комнате воцаряется уютная тишина. Витя, тут же ссутулившись, вздыхает и упирается лбом в ладони.

— Ты как? — спрашивает Катя и кладёт руку ему на плечо.

— В порядке.

Девушка прикрывает веки и пару раз мотает головой. Она знает, что не в порядке. Она знает, что Витя снова вспомнил то ужасное время. Она знает, что ему по-прежнему больно.

И никакое время эту боль не лечит.

Витя, последний раз всмотревшись в росчерки молний вдалеке, отходит от окна. Катя нервно теревит край платья и наблюдает за тем, как Витя достаёт из шкафа плащ и зонт. Рассматривает зонт пару секунд, берётся за него покрепче и выходит в коридор.

— Зачем тебе зонт? — спрашивает Катя и, прищурившись, провожает брата до двери.

Витя вымученно улыбается и шепчет еле слышно:

— Ты что, не видела? Гроза будет.

И на этот раз она будет не откликом человеческой боли, не кровью погибших детей, не их горькими слезами. Отныне и навсегда гроза — песнь нашей безоговорочной победы, мысль о которой помогала жить детям войны.

Живые страницы истории Холокоста

*Автор: Смирнова Екатерина Александровна, 1 курс,
ОГБПОУ «Чухломский лесопромышленный техникум
имени Ф. В. Чиждва Костромской области»*

Направление: Уничтожение мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в изгнании

Жанр: дневник

14.12.22

Иду в сельскую библиотеку. Волнует меня вопрос «Уничтожение мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в

изгнании». Библиотекарь предлагает мне большой выбор книг по моему запросу.

Останавливаю свой выбор на книге «Передайте об этом детям вашим». Обложка, как кадры чёрно-белого кино. Авторы Стефан Брухфельд, Пол А. Левин. Уже само название книги привлекает внимание и говорит о самом важном — исторической памяти, её сохранности.

14.12.22

Дома... Не терпится познакомиться с тем, о чём пишут авторы выбранной мной книги.

Предисловие предваряют обращения премьер-министра Швеции Йорана Перссона, который инициировал проект «Живая история», посвящённый Холокосту, и Валентины Ивановны Матвиенко, возглавлявшей делегацию России на Стокгольмской международной конференции по Холокосту (с 26 по 28 января 2000 года). Здесь же узнаю, что книга адресована в первую очередь взрослым, Валентина Матвиенко уверена, что эту книгу «сердцем прочтут и учителя, и ученики, и родители повсюду в России».

Передайте об этом детям вашим:

а дети ваши пусть скажут своим детям,

а их дети — следующему роду...

Книга пророка Иоилия, 1, 2-3.

15.12.22

«Читать сердцем...» Да, задача поставлена читателям серьёзная. Но, только пролистав книгу, останавливая свой взгляд на фотографиях, иллюстрациях, цитатах, которые занимают особое место в этой книге, понимаю, что моё сердце, моё внимание приковано к этой теме. Я хочу об этом знать, хочу понять, почему это произошло... Читаю сердцем.

15.12.22

Предисловие к книге от авторов заявляет о главной цели этого издания в России — внести «свой вклад в диалог между родителями и детьми о морали, демократических ценностях, гуманизме».

15.12.22

Авторы издания обращают особое внимание на судьбу евреев Советского Союза. Холокост. Индустрия уничтожения людей... Только от одной этой фразы становится жутко... Дело, поставленное на поток... Ради чего? Ради идеи?

«Как такое могло случиться, и кто за это в ответе?» — задают вопрос авторы книги, и я мысленно присоединяюсь к этому вопросу.

16.12.22

Читаю. Страница за страницей передо мной истории конкретных людей, их групп.

Оккупированная Франция... Французская еврейка Анни Горовиц и её сестра Полетт — двое из свыше полутора миллионов еврейских детей, ставших жертвами Холокоста. Освенцим, газовая камера — это финал их короткого детства. Фотография на регистрационной карточке № 413 Анни Горовиц с милым детским личиком — всё, что осталось в подтверждение её жизни...

История цыган, описанная дальше, преследования, которым они стали подвергаться, напоминает преследования евреев. Ни о каком милосердии, толерантности, гуманности не шло речи.

Чем дальше читаешь книгу, тем больше фактов уничтожения мирных граждан предьявляется авторами книги, в том числе это и факты уничтожения «больных» и «увечных». Идеология нацистов считала последних «некачественным материалом»... Это определение вызывает массу негодования в моей душе. Как можно так относиться к людям? Это чьи-то близкие люди. Как можно?!

16.12.22

Продолжаю открывать для себя историю оккупации. Литва, Польша, другие страны Восточной Европы...

«Первые гетто появились в начале 1940 года. А вскоре их было уже несколько сотен — больших и малых, по всей Польше и Восточной Европе». Авторы приводят описания условий Варшавского гетто. Уголь для отопления помещения — «чёрный жемчуг», постоянное недоедание (норма — 200 калорий на человека в день), рост «естественной» смертности, нереальность медицинской помощи — всё это поражает сознание!

До глубины души трогает фотография, размещённая в книге. 19 сентября 1941 года, умирающий ребёнок на мостовой Варшавского гетто. Фотограф оставил запись: «Люди проходят мимо — таких детей слишком много».

На сегодня всё. Откладываю книгу, чтобы вернуться к ней ВНОВЬ...

17.12.22

Снова открываю книгу. Читать трудно, но есть какое-то, до сегодня ещё не появлявшееся у меня, желание читать дальше.

Генриха Гиммлера, возглавлявшего СС, авторы называют «архитектором геноцида». В октябре 1943 года он заявлял: «Мы имели моральное право, более того — долг перед собственным народом уничтожить этот народ...» Имел ли этот человек понятие о морали и моральном праве? Глубокий вопрос... Ответ на него даёт история, апеллирующая фактами убийств, массовых расстрелов, своеобразной селекции, работы газовых камер, печей, крематориев, история, приведшая палачей к Нюрнбергскому процессу.

Открываю для себя историю массовых убийств: 14 октября 1942 год, Ровно; 5 октября 1942 год, Дубно на Украине; 29–30 сентября 1941 года — расстрел 33 тысяч 371 человека на окраине Киева, Бабий Яр... Ужасающие факты!

17.12.22

Нахожу мысль историка К. Браунинга: «Никакого Холокоста просто не было бы, если бы год за годом сотни людей не занимались массовым уничтожением других людей».

И действительно, по ту сторону были тоже люди, сделавшие свой выбор добровольного и осознанного участия в масштабном истреблении мирного и ни в чём не повинного населения оккупированных территорий. Выбор в пользу смерти. Не выбор ли это Дьявола?!

Но уничтожение людей происходит не только через расстрелы, применение газовых камер и крематориев. Уничтожение рабским трудом. Об этом вспоминает Иосиф Щупак, депортированный в трудовой лагерь смерти Майданек. Речь идёт о бессмысленной физической работе! Переноске грязи, мокрого песка и камней с одного конца поля на другой. Рабский труд, сопровождаемый издевательствами, и всё это «при постоянном недоедании, скверных гигиенических условиях, жестокости охранников и бесчеловечных наказаниях». «Смерть от труда», так это называли сами немцы.

18.12.22

Дошла до страниц, посвящённых лагерю Освенцим-Биркенау. «В Освенциме погибли, по меньшей мере, миллион евреев, около семидесяти пяти тысяч поляков, двадцать одна тысяча цыган, пятнадцать тысяч советских военнопленных и пятнадцать тысяч представителей других национальностей».

Фотографии в книге — документальный источник всего, что было сотворено с человечеством. Узнаю, что, в принципе, «фотографировать» окончательное решение еврейского вопроса «было запрещено», но солдаты, приезжая в отпуск, привозили такие снимки домой, они и стали документальными подтверждениями геноцида.

Но всё так однозначно. Кто эти люди, работающие в зондеркомандах в лагерях смерти? Передо мной правда, дошедшая

через годы — дневниковые записи узника Освенцима З. Левенталя, работающего в зондеркоманде. Сколько ещё такой правды предстоит открыть?! Анализируя смерть шестисот еврейских мальчиков (20 октября 1944 года) он задаётся вопросом: «Неужели у них не было детей?».

«Попытка переложить на других — в данном случае на самих жертв — бремя ответственности за содеянное, чтобы лишить их последнего утешения — чувства собственной невинности», — так объясняет итальянский писатель П. Леви процесс вовлечения заключённых в работу зондеркоманд.

Закрываю книгу, но мысли клокочут, эта тема не оставляет меня...

19.12.22

Сегодня дошла в своём чтении до страниц книги, повествующих о сопротивлении. Это развенчание одного из мифов о Холокосте, о том, что «миллионы евреев безропотно шли на смерть — как «бараны на бойню».

Восстания вспыхивали и в гетто, и в лагерях смерти (Треблинке, Собиборе, Освенциме-Биркенау).

Узнаю о символе сопротивления, юной Маше Брускиной, узнице гетто. Ей было всего 17! Еврейка по происхождению она работала медсестрой в больнице Минска, где нелегально лечили раненых советских солдат и офицеров, и, когда они поправлялись, помогала им бежать. 26 октября 1941 года Машу и её товарищей по сопротивлению казнили.

19.12.22

И вот очередной вопрос. Кто они, действующие лица Холокоста? Преступники, жертвы, наблюдатели... Так определяют эти три категории авторы книги.

И если с первыми категориями определились и дали ответы на многие вопросы, то сама категория и «оценка» деятельности наблюдателей требует «чуткости и такта», по мнению авторов

книги. Хотя находятся и критики наблюдателей, которые «считают, что их бездействие — это фактическое соучастие в убийствах».

19.12.22

Передо мной заключительные страницы книги. «Можно ли извлечь уроки?» — ставят вопрос авторы и дают свои ответы, с которыми трудно не согласиться.

«Человечество никогда не сможет полностью осмыслить Холокост», — это один из выводов авторов. И вот ещё один: «...отрицание реальности Холокоста, равнодушие к его событиям ставит под угрозу наше будущее». «Быть или забыть: предостережение современникам». Публицист Александр Асмолов пишет так: «Кто знает о болезни, тот имеет шанс излечиться». Книга «Передайте об этом детям вашим» выступает как предостережение, а сам вопрос «Быть или забыть Холокост?» становится гамлетовским для истории будущей России.

19.12.22

Ещё читая предисловие к книге «Передайте об этом детям вашим», остановилась на мысли авторов, что «для заинтересованного читателя эта книга — лишь пролог к теме». Сейчас, дойдя до последних её страниц, наполнив себя очень противоречивыми эмоциями, понимаю, что на этом изучение данной темы не закончится для меня лично. Обязательно прочту поэму Е. Евтушенко «Бабий Яр», посету музей памяти жертв Холокоста. Много хочется ещё узнать, чтобы потом рассказать об этом уже своим детям. Чтобы помнили...

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП / КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

2024 год

Из дневника Жени Орлова

Автор: Смирнов Кирилл Максимович, 7 класс,

МБОУ города Костромы «СОШ № 4»

Направление: Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Жанр: дневник

1 июня 1942 г.

Проснулся рано. Петух разбудил. Да и Валька ворочается рядом так, что лучше уж вставать. Бабушка вчера сказала, что осенью в школу пойду. Далеко, правда, целых 8 километров пешком туда и обратно. Ну да уж как-нибудь, очень хочу в школу. Кажется, что начнётся совсем другая жизнь. Хотя как же другая — всё равно война.

И когда она кончится???

5 июня 1942 г.

Хорошо здесь живётся. Тихо. Никак не привыкну к тому, что тихо. Ни бомбёжки, ни свиста пуль, ни немецкой ругани. Помню, когда началась война, в наших газетах часто помещали картинки, где немцы были такие смешные — в шлемах с рогами. Я и думал, что они такие. Оказалось, они страшнее. Когда они вошли в наш город, от страха у меня пошла носом кровь. Мама испугалась. Мы все испугались.

7 июня 1942 г.

Страшно вспоминать начало войны. Тогда всем было страшно, да и сейчас страшно, только не так сильно. А тогда думалось, что страшно даже самому дому, моим книгам, кошке, ходикам на стене. Немцы пришли в октябре 41-го. Сразу арестовали много людей и маму тоже. Наш папа был партийным работником, вот они и искали его и других партийных. Мамы не было 5 дней. Мы с Валькой думали, что всё. Знали, что многие не вернулись оттуда. Мама потом рассказала, что её долго допрашивали, но не били. И отпустили потом. Вот радости было!!! Я решил, что больше никогда не буду ныть, 9 лет уже. А девчонки слабые, даже Томка, буду их защищать.

Город постоянно бомбили. Надо было уходить. Но куда? Родные далеко. Сосед, дед Паша, сказал, что поможет выбраться из города. Говорит: сбегай посмотри, как лучше из города выехать, по какой дороге нет немцев. Ну пошёл я. А страшно было! Вот, думаю, прибьют меня, а Валька как с мамой? Юрка есть, конечно. Но вместе-то легче. В общем, иду. Крадусь, по кустам прячусь, вдоль домов. Иду мимо одного, а из-за двери меня хват, в избу затащили. НАШИ! Бойцы! Щетиной заросли, грязные, худющие, злые! Один говорит, что я шпион вражеский! Это я-то?! ШПИОН??! Я в слёзы! Реву — не остановиться. Голова закружилась, вот-вот на пол свалюсь. «Я свой!» — кричу им, а голос срывается, пропадает от страха, видно. «Свой! Свой!» Поверили, отпустили. Бегу назад, даже немцев не боюсь, скорей бы до дома. А потом поехали мы с дедом Пашей. Погрузил нас на свою телегу, корову привязали к ней и отправились.

А холодно уже было, октябрь. То дождь пойдёт, то ветер налетит. Валька хнычет постоянно. Дом жалко, грустно, хоть реви, но нельзя. Дед Паша сказал, что к своим нас повезёт, в какую-то деревню, не помню название. Из города не мы одни вы-

бирались, да и как тут останешься: немцы. Помню, стали бомбить дорогу. Дед крикнул, чтобы мы слезли с телеги и в лес бежали. Так спаслись. А кого-то на дороге так и убили.

Ехали долго. Так долго, что тосковать стал. Домой захотелось. Зашли в какую-то деревню. А там тоже немцы. Да так много! Во всех домах расселились. Схватили нас с Юркой, заставили дрова пилить. Ну мы немного попилили да побежали от них. А они как давай по нам стрелять вроде из автомата — еле ноги унесли.

Идём дальше. Есть охота! Вот глаза закроешь, и вроде не так голодно. Валька ноет... Томка ей тумачит, отвешивает, злится. А ещё сестра называется. Я тоже злюсь на Вальку, но не бью: маленькая она, не понимает. Война — надо понимать.

15 июня 1942 г.

Сегодня у Вальки день рождения. Скрутил ей куклу из тряпок, положил под подушку. Вот радости будет! Она их любит очень.

Я и тогда в дороге куклу ей сделал. Тряпки были, а от нечего делать чего только не придумаешь. А шли долго, так долго, что думаешь: вся жизнь так и пройдет в этой телеге. Иногда жили в деревнях то неделю, то месяц — где как. Помню, зашли в одно селение, а там и наши, и немцы. Нашли пустой дом, спрятались там в подполе. А там картоха!!! Наелись до отвала! Сидим тихо, шевелиться даже страшно. Холодно! Мама тихонько вылезет, печку затопит, так немцы стрелять по стенам начинают, как дым из трубы пойдёт. Даже дырки в стенах появились — улицу видно. За водой ночью выбирались с Юркой. А немцы не спят, сторожат, думают, что наши бойцы. Вот надо сначала их отвлечь: бросали ледышку в ведро. Они на звук постреляют и затихнут, тогда можно добежать до колодца.

А ещё был случай в другой деревне. Там наши бойцы были, да много их! Взяли нас в один дом, где их было 18 человек и ещё политрук. Ночь, спим вповалку. Кто на полу, кто на лавках, кому повезло — на печке. Я — за печкой. А тут как шарахнет! Пол разъехался, я свалился под пол, сверху что-то тоже на меня свалилось. Больно! Тяжело! Дышать нечем. Голову не поднять, спина затекла. Думаю: всё. Тут и задохнусь, даже реветь сил нет. Чувствую, тянут сильно, так, что руки оторвут. Кричу, что больно. Достали меня, а бойцы почти все погибли. Столько смерти видел — страшно.

И ещё расскажу случай. В Светлихе были. Там стояли зенитки. Наши подбили немецкий самолёт, лётчик на парашюте спустился. Поймали его, я видел, интересно же. Рыжий такой, глаза страшные, злые, тараторит по-своему, ругается, наверное. Ну наш боец его и успокоил: кулаком по голове.

Так мы шли и шли. К маю 42-го добрались до Кувшиново, потом — Велеможье. Мама говорит, что мы путешественники: из Смоленской области до Калининской (Тверской) добрались. Живём теперь у бабушки. Мама — в колхозе. А мы скоро в школу пойдём. Очень хочу учиться! А там и война кончится. Скорее бы...

Сочинение про войну

*Автор: Фомичёва Мария Григорьевна, 8 класс,
МБОУ «Шолоховская СШ» Красносельского муниципального района
Костромской области*

Направление: Чему нас учит история: нацизм в исторической ретроспективе и неонацизм в современном мире

Жанр: рассказ

Вася захлопнул дневник, тяжело выдыхая. Сочинение по литературе на тему войны... Как-то нелегко давались Васе сочинения, он больше по спорту. Тренировки три раза в неделю. В целом Василий нормальный парень, но сто раз отжаться было для него более выполнимой задачей, чем написать сочинение.

Придя домой, Вася бросил школьный рюкзак и поприветствовал Барсика, время царствования которого в квартире закончилось с приходом хозяина. Василий покормил пушистого друга и завалился перед телевизором. Включил его, там реклама подарков к 23 Февраля. Цепочка ассоциаций замкнулась на сочинении... Вася закатил глаза: тяжёлым камнем на сердце упало нежелание писать его. Убегая от невесёлых мыслей, он отправился в комнату, там и спрятался в обнимку с телефоном до прихода мамы.

— Вася, ты дома? — неожиданно раздался мамин голос.

— Да.

— Ты чего в темноте там сидишь? Как день прошёл?

— Да нормально. Вот по литературе сочинение задали на тему войны.

— Понятно. А какая конкретно тема?

— Да там на выбор несколько, не помню... И вообще не знаю, что писать.

Василий продолжал жаловаться на незавидную участь семиклассника, а его мама перебирала в голове идеи, которые можно было подкинуть. Перед её мысленным взором вставали леденящие кровь документальные кинохроники Великой Отечественной войны, которые она видела в детстве. Её отец, Васин дедушка, считал своим долгом рассказывать детям всё без прикрас. Накануне 9 Мая по телевизору показывали художественные и документальные фильмы. Ребёнком она смотрела их и много плакала. Плакала от увиденного, от страха перед жестокостью.

На следующий день Вася проснулся и с самого утра прятался от сочинения, находя себе очень важные дела. К тому же к двенадцати надо было явиться на тренировку.

«Треника — это круто, там всё чётко и ясно: 1000 раз скакалка, 50 отжиманий, 25 подтягиваний... Хотя и тяжело, но естественно», — думал мальчик.

Камень на его душе неприятно перевернулся, когда подросток проезжал на троллейбусе мимо мемориала воинам-освободителям. Как-то раньше он и внимания не обращал на вечный огонь, сейчас же этот огонь обжигал его совесть, которая наказывала за нежелание писать сочинение.

Тренировка прошла на ура. Несмотря на то, что тренер муштровал своих подопечных без жалости, Вася вышел из спорткомплекса полный сил и энергии. На ступеньках ребята попрощались и разбежались по своим маршрутам. Сегодня Василий решил пройтись до дома пешком: 5 километров — не больше часа ходьбы. Позвонил маме, она была не против.

Приятная зимняя погода, оживлённые улицы города, тяжёлые хлопья липкого снега падали отвесно, смягчая все звуки вокруг.

Вася свернул под арку в девятиэтажке. Она вела в маленький неосвещённый сквер... И тотчас же перед ним открылась картина, от которой он оцепенел. Три парня, похоже, что уже не школьники, зажали в углу под балконом мальчишку. Вася узнал его. Мальчишка учился в параллели, они не знакомы лично, но тот, кажется, недавно переехал из Дагестана, и сейчас у него были все шансы лишиться как минимум какого-то имущества. Бойцовский кодекс заговорил в спортсмене, и он вмешался в сцену, свидетелем которой стал. Василий избавил мальчика от телесных повреждений, принимая удар на себя, пока шпану не спугнули вошедшие во двор мужчины.

Дома Вася отлёживался ещё неделю: с разбитыми губами и расквашенным носом не хотелось являться в школу. Дед заглянул проведать совсем неожиданно. Внук был сконфужен встречей с дедушкой.

— Я думал, нас убьют, — поделился внук.

Как-то так сложилось, что с родным внуком дед никогда не был ласков и открыт, он был воспитан родителями — свидетелями военных лет, они сами трудились всю жизнь не покладая рук и к тому же приучали детей. Ласкаться было некогда: поднимались колхозы, фабрики, заводы, строились новые районы городов, отстраивались разрушенные фашистами города... Так вот этот-то дедушка неожиданно наведалься к внуку, ребёнку 21 века, и речь-то которого не всегда была понятна людям дедова поколения.

— В 21 веке — кто бы мог подумать! — планету лихорадит от нацизма! То там, то тут прорастают худые семена! Телевизор включать страшно! — дед застыл перед Васей с разведёнными руками и растерянным лицом.

— К чему ты это, дед?

— Да всё к одному: эти вот бандиты доморощенные, которые мальчика того мутузили, они отчего на него напали? Да потому, что, по их мнению, они лучше его, это, мол, их земля, и

они по праву будут диктовать свои условия... Это, батенька, национализм — мягкое такое проявление нацизма или фашизма. Эх, знали б деды, за что воевали!.. — старик поднялся и подошёл к окну, за которым суетился город, наполненный заботами рабочего люда.

— Знаешь, как видели нацисты русский народ? Я, конечно, не историк, но вот что скажу. Были такие философы ещё в 16 веке, которые утверждали, что при смешении крови нация теряет свой потенциал, который позволяет ей развиваться. И чего только они и их последователи ни говорили! И что русский народ состоит из примитивных расовых групп, некоторые из которых являются явно дикими племенами, как, например, в Африке. И будто мы, русские, врождённые варвары, всегда проявляли враждебность к цивилизации. И что Москва и Ленинград должны быть разрушены, а после по ним должен пойти плуг. Кто может говорить такие страшные слова? Люди с умственным помешательством! А посмотришь на портреты этих мыслителей — причёсанные такие лакеи на службе у господ властвующих... Тьфу! — прервал свой монолог дед.

— Русские не имеют права на существование! Вот ведь что говорили. И ведь эта идея воспринималась как научная, хотя, конечно, реалии под неё не подходили. Сумасшедшую пропаганду выстроили. Кто был им угоден, у того, значит, арийская кровь имеется. Были, например, такие арийцы востока, то есть японцы, которые им, значит, союзниками были. Так что всю эту теорию под политические нужды выстраивали и оправдывали тех, кого им хотелось оправдать, а русских выставляли неведь как. Статейка была такая, писали там о нас: «Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета — обычные условия их существования, и потому русские не так уж сильно цепляются за жизнь». В газетах вообще русских старались выставить нера-

зумной массой, из достоинств которой выделяли только её величину. А среди наших военнопленных для фотографий, например, специально отбирали красноармейцев из Средней Азии. Будто нацисты сражаются с войском, подобным орде Чингисхана. Объясняли это тем, что с 1917 года планомерно русских уничтожали и откуда-то из Сибири планомерно завозили монголов. Политической газете того времени министерство пропаганды даже делало замечание: «Вы опубликовали фотографию “Наши полевые кухни кормят местное население горячей едой”, и это крайне неловкий ход, так как наша газетная политика стремится представить большевиков преступниками и унтерменшами», — старик повернулся лицом к внуку. — Мало того, что горячей едой кормить таких «недолюдей» было признано неправильным, так и парни, видите ли, там больно миловидны были и похожи на арийцев. Всё ради одного: представить народ неразумным ополчением и не называть происходящее геноцидом. И сейчас среди нас, хоть и не в таких масштабах, но всё ещё есть эти идеи. И ведь воздействуют часто на самых внушаемых, на молодых людей, на подростков, как ты. В молодом возрасте хочется выделиться, показать протест, а ведь с годами человек может и не образумиться, остаться при этом мнении.

— И как же быть, дедушка?

— Да как быть, как быть? Чем больше живу, тем меньше понимаю. Знаю только одно: зло злом не искоренить.

Тема сочинения пришла к Василию сама. Да, он не сдал его вовремя. Но его сочинение было наполнено не вымученными, а искренними мыслями, которые содержали в себе понимание того, что явление нацизма было призвано на борьбу с народами, населявшими лакомые территории, что не все семена фашистской идеологии были сожжены в огне войны и с падением советского режима начали прорастать...

Между прошлым и будущим

*Автор: Марамохина Александра Дмитриевна, 9 класс,
МАОУ города Костромы «Гимназия № 25»*

Направление: Деятельность поисковых отрядов и волонтёрских организаций и участие молодёжи в мероприятиях по сохранению и увековечению памяти о Великой Отечественной войне

Жанр: рассказ

Он шёл в атаку, не боялся,
А отступая, умирал,
Фашистов сильно ненавидя,
Для нас героем вечным стал.

А. Марамохина

Бои шли под Смоленском, враг брал город в клещи. Чтобы отвести основные советские части, нужно было поставить заслон. Этим заслоном стал батальон майора Максимова. Командующий приказал продержаться два дня, чтобы переправить через реку главные силы и госпитали с ранеными.

— Ну что? — сказал генерал. — Держись, майор, всего два дня, помощь пришлю.

Тимофей Данилов давно занимался историей Великой Отечественной войны. У него был свой поисковый отряд «Рысь». Они были под Москвой, Калугой, Ржевом. Находили немало захоронений советских бойцов, а некоторых даже удалось идентифицировать.

— Ты опять сидишь со старыми картами? Где ты их берёшь? — спросил Тимофея его лучший друг Паша.

— В архивах, друг мой. Но одна карта не даёт мне покоя.

— Какая?

— Смотри.

И он развернул на столе старую карту, где было обозначено отступление наших войск. На ней был обозначен небольшой коридор, через который могли пройти основные части, но, чтобы они прошли, кто-то должен был их прикрыть.

Максимов оценил обстановку: слева болота, справа всё заминировано — и только этот небольшой участок длиной в один километр он мог со своим батальоном оборонять. Майор знал, что с этой позиции ему не уйти и помощь не придёт. Но он верил, что всё это будет не напрасно.

— Ну что, Паш, рванём? Наши все готовы, ведь если мы хоть кого-то отыщем и установим, это будет огромной удачей!

— Карта с нами, теперь только вперёд!

Неделю они добивались до заданного места — и вот вышли в нужный квадрат. Паша сверил карту с местностью и спросил командира:

— А ты уверен, что именно здесь всё это было?

— Да, — ответил Тимофей, — искать будем здесь. Сначала разобьём лагерь поблизости, я по пути видел хорошее местечко.

— Давай, поставим палатки, разведём костёр, приготовим ужин, а на рассвете выйдем в поиск.

Вся ночь прошла в рассуждениях. Никто не хотел спать. Все были в предвкушении чего-то особенного. Возможно, это от осознания того, чем закончился тот роковой бой, ведь в живых никого не осталось. И, может быть, только они смогут приоткрыть часть истории тех тяжёлых дней.

— Не робей, ребята! — кричал в рацию Максимов. — Ротный, не отступать! Держись! Прикрой плотнее правый фланг!!!

Знаю, что вас мало, через два часа прорывайтесь к моему блиндажу!

Майор нервно курил, перезаряжая свой автомат. Ещё два часа — и от батальона не останется никого. Все, кто мог прорваться, собрались вокруг блиндажа, всего-то человек тридцать.

Взяв лопаты и металлоискатели, команда отправилась на поиски. Судя по карте, идти было недалеко. Примерно метров триста. И тут запищал первый аппарат. Все оцепенели, и только Паша неистово стал копать сапёрной лопаткой рыхлую землю. И вот железо ударило о железо. Все замерли, а Паша, выгребая руками землю, вытащил немецкий пулемёт.

— Ребята, — с широко раскрытыми глазами сказал он, — мы нашли это место!

Пять дней они ползали, копали, искали, но, кроме ржавых касок, кружек и гильз, ничего не могли найти. Так где же был этот легендарный бой? По карте вроде здесь, обыскали почти всё, но ничего не смогли найти. Но бой же был!

— Всё, — сказал Тимофей, — отдыхаем, ребята. Нужна передышка.

Девушка Валя пошла к роднику, чтобы набрать воды. Пётр пошёл за дровами для костра. Вернувшись и не увидев Вали, он спросил командира:

— А где Валя? Она пошла за водой, я за дровами.

Паша вскочил и побежал в сторону родника. Запнувшись за корягу, он упал и сильно ушиб колено. Но сквозь боль он услышал слабый крик, который шёл как бы из-под земли:

— Паша, я здесь, внизу, помоги мне!

Ребята уже подбегали.

— Она здесь, здесь! — кричал Паша, разгребая руками землю.

— Нас взяли в полное кольцо, — сказал один из солдат. — Выйти мы не сможем, их слишком много.

Покачав головой, Максимов подумал: «Ну что же, остаётся одно: вызвать огонь на себя».

— Сержант Меньшиков, попробуй прорваться с донесением для дивизии. Я знаю, это тяжело, — сказал майор, — но ты должен дойти.

— Паша, это блиндаж! Я шла и случайно провалилась.

Паша кинул ей фонарь, и через несколько секунд послышался крик.

— Валя, что случилось?

— Здесь такое!.. Спускайся ко мне!

Паша стал медленно сползать под землю, перед собой он увидел много останков людей.

— Боже мой, теперь понятно, куда делись солдаты!

На снаряжном ящике стояла разбитая рация, рядом скелет, насколько мы поняли, радиста.

Обследовав блиндаж, мы нашли останки бойцов, ржавое оружие и разбитую рацию. Рядом в серебряном портсигаре было несколько истлевших листков: «Все погибли, я остался один, ещё минута — и не станет и меня».

Оставшихся бойцов Максимов укрыл в своём блиндаже, понимая, что артиллерия накроет весь участок, который они обороняли. Может, здесь кому-то удастся выжить и кто-то прорвётся к своим. Пусть он расскажет, как мы бились до последнего, как вызвали огонь на себя.

Читая записи, найденные в блиндаже, Тимофей и Павел понимали, как трудно было удержать этот рубеж. Они в очередной раз поняли всю важность подвига наших дедов и прадедов.

Спустя годы, когда были изучены все документы, майору Максимову было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Спасибо нашим героям за защиту своего отечества!

Спасибо, что дал мне право жить!

*Автор: Мухина Варвара Алексеевна, 9 класс,
МОУ Барановская СОШ Буйского муниципального района
Костромской области*

*Направление: Учитель, который выиграл Великую Отечественную войну:
подвиг и жертвенность*

Жанр: очерк

Ушел на фронт и молодой учитель,
Вчера ещё стоявший возле парт.
Надев на плечи рядового китель,
Сменил указку на тяжёлый автомат.

О. Ларионов

2023 год Указом Президента нашей страны Владимира Путина был объявлен Годом педагога и наставника. Было проведено огромное количество мероприятий, посвящённых престижу профессии учителя. Я хочу рассказать о событии, которое потрясло меня, заставило задуматься над тем, что учителя — это не только люди, дающие знания, но и обладающие силой мужества, героизма, доблести, отваги и решимости.

Учительство страны героически сражалось на фронтах Великой Отечественной войны. Многие педагоги с оружием в руках встали в ряды Красной Армии, кто-то продолжил борьбу на временно оккупированных врагом территориях, а кто-то в тылу отдавал все силы и знания для воспитания молодого поколения — будущего страны. Многие пали смертью храбрых.

Весной прошлого года в Буйской межпоселенческой библиотеке имени А. Н. Островского была презентована книга нашего краеведа, поисковика, ветерана педагогического труда Смирнова Александра Александровича с необычным названием — «Шагнувшие в бессмертие». Она вместила в себя рассказы об учителях города Буй и Буйского района Костромской области — участников Великой Отечественной войны.

Александр Александрович с трепетным волнением поведал нам о том, когда зародилось желание создания этого необычного сборника. А потом остановился на тех именах, кто вместе с миллионами соотечественников был на переднем крае борьбы против фашистских захватчиков. Фамилии героев он произносил как-то по-особенному, с гордостью, с дрожью в голосе.

Первый рассказ был об Андрее Сергеевиче Акуличе. Услышав фамилию, я подумала: «Неужели это тот самый человек, о котором мне приходилось слышать? Ведь на фотографиях, которые довелось мне видеть, он невысокого роста, худенький. Вряд ли мужчина с такими физическими данными способен на такие смелые боевые поступки...» У меня закралось сомнение... Думала, мало ли людей с такими же фамилиями...

Но дослушав повествование краеведа, я поняла: да, это наш герой, наш дорогой учитель. С ним я хочу вас познакомить.

Мой рассказ об Андрее Сергеевиче Акуличе. Почему именно на нём остановила я свой выбор, сейчас вам станет понятно. Наберитесь терпения и дочитайте мои строки до конца.

Родился Андрей Сергеевич в Белоруссии в далеком 1912 году в деревне Вежны Полесской области. Уже в 16 лет он стал председателем комитета бедноты в своём родном селе. В возрасте 18 лет уехал в Гомель и вступил во Всесоюзную Коммунистическую Партию (большевиков). Партийных работников направляли работать в самые разные уголки нашей страны. Так случилось и с Андреем Сергеевичем. Окончив партийную школу в 1931 году, он начал работать пропагандистом в деревне Никульское Ярославской области. Здесь Андрей Сергеевич познакомился со своей половинкой — Евгению Александровну. По зову партии после свадьбы молодые супруги переезжают в городок Нерехту Костромской области. Затем А. С. Акуличев занимает должность второго секретаря Антроповского райкома партии. Оттуда в 1941 году партиец был призван в Красную Армию. С самых первых дней Великой Отечественной войны он встает в ряды защитников Отечества.

В наградном листе командир I дивизиона 302 гвардейского минометного полка гвардии майор Тительман отмечает, что «в боях с немецкими оккупантами товарищ Акулич показал себя смелым и инициативным гвардейцем. 22 августа, получив приказ разведать место расположения противника и его огневые силы в районе Дялул Маре, товарищ Акулич, не обращая внимания на обстрел противника, скрытно пробрался к переднему краю противника. Тщательно наблюдая, Акулич быстро установил место нахождения накопившегося противника для контратаки и расположение его огневых точек, воздействующих на наши боевые порядки. Ценные сведения были немедленно доставлены командованию дивизиона. По разведанной цели был дан залп, в результате которого подавлен огонь четырёх огневых точек, уничтожено и рассеяно свыше роты пехоты противника.

За совершённый подвиг товарищ Акулич Андрей Сергеевич был удостоен правительственной награды — орден Славы III-й степени».

А. С. Акулич показывал себя храбрым, выносливым, находчивым, знающим своё дело и отлично владеющим своей специальностью. Герой не раз проявлял в бою свои боевые качества.

Вот ещё несколько выдержек из наградных документов.

«15 ноября 1944 года товарищ Акулич под городом Ясберень пробрался под сильным артиллерийско-миномётным огнём на расстояние 200 метров к противнику и в течение двух суток засекал его огневые средства. По целеуказанию Акулича был дан залп, в результате которого было подавлено 3 противотанковых орудия, 2 станковых пулемёта, подбито одно самоходное орудие, уничтожено и рассеяно до взвода солдат и офицеров противника».

«20 ноября 1944 года, действуя вместе с нашей пехотой, товарищ Акулич ворвался в штаб батальона противника и в упор из автомата расстрелял двух солдат и одного офицера».

В апреле 1945 года А. С. Акулич, находясь на передовом наблюдательном пункте, обнаружил скопление 40 танков противника в районе железнодорожной станции близ Пусдорфа. «По разведанной цели дано 2 залпа, в результате подбито и сожжено 3 танка...».

Не зная усталости, Андрей Сергеевич в любой сложной обстановке добросовестно выполнял все приказы командования, проявляя героизм, мужество и бесстрашие.

В одном из боёв Андрей Сергеевич был тяжело ранен. Произошло это в апреле 1945 года в местечке Раасдорф. День Победы встретил в госпитале.

За храбрость, находчивость и личную инициативу Андрей Сергеевич Акулич был награждён орденами Отечественной войны II степени, Славы III степени и медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

В сентябре 1945 года по заключению комиссии Андрей Сергеевич был признан негодным к военной службе. Вернулся солдат домой в родное Антропово, стал работать в райкоме партии.

После войны нужно было помогать родной стране не только в строительстве и хозяйстве, но и в образовании. Статистика, приведённая в «Учительской газете», свидетельствует: «К началу 1945–1946 учебного года число учителей в школах РСФСР сократилось по сравнению с предвоенным 1940–1941 учебным годом на 84,9 тыс. человек». Страшные цифры!

Андрей Сергеевич вместе с женой переезжает в деревню Костиново Буйского района и становится первым директором в только что открывшейся Костиновской семилетней школе. Жена его стала преподавать сельским ребятишкам русский язык и литературу. Педагоги Акулича продолжили своё самоотверженное служение родине.

Несмотря на все жизненные испытания, Андрей Сергеевич оставался жизнерадостным человеком, активным, работоспособным, его не пугали никакие трудности.

Все мои сомнения были рассеяны. Жизнь Акулича Андрея Сергеевича была открытием для меня. Это он. Мой герой. Изучая историю Костиновской школы, я знала о нём, как о директоре школы, в которой я училась, но не знала того, что этот учитель показывал в годы войны пример отваги и мужества, воинского мастерства, находчивости, смекалки, это бесстрашный воин, патриот своей земли.

После встречи с Александром Александровичем Смирновым я поблагодарила его за интересный рассказ о земляке. Книга «Шагнувшие в бессмертие» стала моей настольной книгой, ведь в ней собраны имена тех, кто дал нам право жить. А наш долг — помнить их!

Призвание — дарить будущее

*Автор: Рогачёва Варвара Александровна, 10 класс,
МОУ СОШ № 1 имени Ивана Нечаева г. п. п. Чистые Боры
Буйского муниципального района Костромской области
Направление: Учитель, который выиграл Великую Отечественную войну:
подвиг и жертвенность
Жанр: эссе*

...Только сердце горело,
Им освещая дорогу эту...

Недавно на уроке литературы мы прочитали «Легенду о Данко» М. Горького, где рассказывается об отважном юноше, который ради спасения своего племени пожертвовал жизнью и, вырвав собственное сердце, горящее любовью к людям, вывел свой народ из мрачного леса в новые светлые земли. Кто он, Данко? Герой, не боящийся брать на себя ответственность? Или безумец, который погиб ради трусливых людишек, готовых сдаться на полпути и растоптавших его горящее сердце? Легенда о Данко задела наш класс за живое, заставила думать, соотносить, взвешивать значимость его поступка и личную выгоду от него, примерять ситуацию на себя: а как бы поступал я?

Люди разные, и каждый сам выбирает для себя жизненный путь, но память о героях должна жить в веках... В истории любого народа найдём Данко — человека, для которого счастье окружающих дороже его личного. Такие люди могут иметь разные национальности, адреса, веру, профессии, но они схожи в одном: в крепости духа, желании жить и творить во благо других. И их смело можно назвать героями. Военные, врачи, пожарные, но особое место в этом списке занимают люди самой мирной профессии — учителя.

Великая Отечественная война. Это время вообще для всех людей нашей страны стало испытанием. Война тяжёлым бременем легла на каждого, в том числе и на детей. Наравне со взрослыми они сносили все тяготы и невзгоды: голод, бомбёжки, смерть и потерю близких. Но даже тогда, когда мир стал адом, находились люди, которые помогали детям поверить в то, что будущее есть, что война не вечна, что надо жить и учиться вопреки всему. Школы были даже в блокадном Ленинграде. Но ещё большее потрясение я испытала, когда узнала, что педагоги-узники детей обучали даже в концлагерях!

Одним из самых страшных мест на свете был лагерь смерти в Бухенвальде. В нём с июля 1937 по апрель 1945 года содержалось около 250 тысяч и было убито приблизительно 56 тысяч человек. Взрослые и дети умирали в результате недостатка еды и проведения бесчеловечных опытов над ними. Несколько тысяч детей от семи до двенадцати лет были вывезены с оккупированной территории Советского Союза и помещены в концлагерь, где они были обязаны трудиться наравне со взрослыми. Обессиленных и измождённых маленьких узников, кто уже не мог работать, просто сжигали в печах, которые дымили круглосуточно. И весь мир концлагеря был пропитан смертельным страхом, безнадёжностью.

Взрослые узники разных национальностей пытались хоть как-то оградить детей от этого ужаса. Среди заключённых концлагеря был Николай Фёдорович Кюнг, в прошлом выпускник Вяземского педагогического техникума, учитель истории и географии. До Бухенвальда он уже побывал в нескольких фашистских лагерях, где состоял в подпольных антифашистских группах, в которых помогал устраивать саботаж, чертить карты местности тем, кто готовился к побегу из лагерей смерти. И именно такому отважному человеку в 1944 году Бухенвальдским комитетом сопротивления было предложено необычное и

ответственное задание: создать в лагере школу для заключённых детей. Позже Кюнг писал: «Весь смысл наших занятий был в том, чтобы попытаться отвлечь детей от страха, в котором они жили, помочь им поверить, что не вечно будет длиться каторга. Я обещал: придёт наша победа».

В тяжелейших условиях, в прямом смысле под носом у фашистов, маленькие заключённые обучались письму и счёту, получали знания по истории и географии. Дети занимались по вечерам, после изнурительных работ. Их пытливые умы жадно впитывали знания о странах, морях и океанах, событиях минувших веков. И колючая проволока не могла сдержать воображение, и хотя бы на время отступали мысли о смерти, ведь школа — это всегда окно в будущее. Это знания, которые приобретаются, чтоб их применять потом, во взрослой жизни... Значит, она будет, эта взрослая жизнь... Так на уроках в концлагере рождалась надежда. И эта школа заставляла и взрослых творить чудеса: им удалось раздобыть немного бумаги, карандашей, мела, карту мира на немецком языке и даже маленькие счёты. И неважно, что не было полноценных атрибутов школьной жизни — учебников, тетрадей, портфелей, — было намного большее — горящее сердце Николая Кюнга, дарящее маленьким узникам веру в жизнь. «Дети внимательно слушали, а я вспоминал своего сына Вовку, сердце болело за сына и за этих беззащитных малышей», — так писал Кюнг уже после войны.

Уроки, которые он тайно проводил в восьмом бараке Бухенвальда, стали для детей смыслом жизни, лучиком надежды. «Мама моет раму», «Папа бьёт фашистов», «Папа роет фашисту яму» — мирное и военное время переплеталось в предложениях, которые писали дети. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из ребят, даже за кусок хлеба или освобождение от тяжёлой работы, донёс или ненароком проговорился о том, что в бараке

идут уроки. Непостижимо, но школа в концлагере просуществовала восемь месяцев! И о ней никто из дотошных надзирателей так и не узнал.

Я подумала: «А, может, учитель Николай Кюнг — это и есть Данко Великой Отечественной войны?» Сколько мужества, отваги должно быть у человека, чтобы не просто вынести все испытания самому, но и дарить надежду, веру в будущее другим. Его сердце горело любовью, и он дарил её детям. Жизнь Кюнга роднит с судьбой Данко и тот факт, что нашлись неблагодарные люди, в марте 1949 года его арестовавшие и предъявившие обвинения по подозрению в шпионаже и добровольной сдаче в плен. Расследование длилось 14 месяцев, но за неимением доказательств дело закрыли.

Как яркие искры, пробегающие по степи, не дают забыть о Данко — герое М. Горького, так и мой рассказ пусть станет напоминанием о скромном учителе Николае Кюнге, чьё сердце горело любовью к детям.

Подвиг учителя

*Автор: Соболев Кирилл Дмитриевич, 10 класс,
МБОУ города Костромы «СОШ № 5»*

*Направление: Учитель, который выиграл Великую Отечественную войну:
подвиг и жертвенность*

Жанр: эссе

Стоит на реке Днепре, на самой границе с Беларусью, древний город Смоленск. Но когда приезжаешь сюда, поражает не Днепр. В этих краях (да по сравнению с Волгой!) он не широк и

не величествен. И не приграничный колорит поражает, хотя белорусского тут действительно очень много. И даже не многовековая, очень насыщенная история. А вот что изумляет больше всего: здесь, на какую улицу ни сверни, обязательно встретишь мужчину в форме. И не обычного, а бронзового.

Вот на углу Ленина и Большой Советской, под старинными часами, круглые сутки несёт службу постовой милиционер Викторин Курицын. Памятник ему потомки установили из чувства глубокой благодарности — за то, что сразу после освобождения Смоленска от фашистов помогал родным людям отыскать друг друга в разрушенном городе.

А вот на площади Победы плечом к плечу стоят три воина. Первый в начале семнадцатого века боролся с польскими интервентами, второй гнал с родных смоленских земель Наполеона в 1812 году, третий до последнего сражался с коричневой чумой.

А прямо напротив них уселись на брёвнышке двое. Один в шинели и с блокнотом, второй в гимнастёрке и с гармонью. Это писатель Александр Твардовский встретился в центре Смоленска со своим главным героем — Василием Тёркиным.

Есть здесь стоящий особняком бюст — легендарного сержанта Михаила Егорова. Того самого, который 1 мая 1945 года водрузил алое знамя над поверженным рейхстагом. А есть и целая аллея бюстов — великих полководцев позапрошлого века: Кутузова, Багратиона, Барклая-де-Толли, Раевского...

И вдруг среди этих многочисленных бравых мужчин в форме — обыкновенная женщина. В юбке и блузке, поверх которой — пиджак. Не одна: к ней прижимаются трое ребятишек. Можно подумать, мать-одиночка или многодетная семья. Но стоит вчитаться в текст у подножья, как вдруг понимаешь: женщина эта — настоящая героиня. Точно такая же, как постовой Курицын, и сержант Егоров, и фельдмаршал Кутузов. Неслучайно ей тоже поставили памятник в самом сердце города-героя Смоленска.

Летом 1942 года, в разгар каникул, молодую учительницу начальных классов Басинской семилетней школы, что в семидесяти километрах от Смоленска, Матрёну Вольскую вызвали на работу. Приказали срочно собирать учеников. В то мгновение она даже не представляла, какой урок ей предстоит преподать своим маленьким воспитанникам. Не письмо, не счёт и не чтение. Урок, который и сама-то она, 22-летняя девушка, знала не очень хорошо — урок выживания в совершенно нечеловеческих условиях. Урок жизни на войне.

Немцы со дня на день будут в деревне, мужиков, которые ещё не на фронте, и крепких баб угонят на работы в Германию, а вот стариков и детей заживо сожгут... Слова командира местных партизан Никифора Коляды вонзались Матрёне в самое сердце. Она вспоминала любознательные и хитрые глаза учеников, их неожиданные вопросы и бесконечные шалости. Да как же можно — всё это взять и сжечь? Спасение есть — уверял Коляда. Нужно просто собрать окрестных ребятишек и добраться с ними до ближайшей железнодорожной станции, откуда ходят поезда в тыл. До Торопца. Это каких-то двести километров. Тем более партизаны уже проложили безопасный маршрут.

Ровно в тот момент, когда на сельской площади Матрёна Исаевна переписывала ребятишек, собравшихся вместе с ней, пришла страшная весть: гитлеровцы узнали о готовящемся походе. А значит, никакого «безопасного маршрута» больше нет. Есть двести километров непроходимых лесов, топких болот и минных полей. И не прекращающиеся всё лето дожди. И почти две тысячи малышей, доверчиво, с надеждой смотрящих на добрую учительницу. Две тысячи босых и голодных, но пока — и это самое главное — ещё живых!

23 июля колонна во главе с Матрёной Вольской вышла из деревни Елисеевичи. Когда спустя ровно две недели, 5 августа,

дети притопали в Торопец, им было что рассказать о своём путешествии. Как ужасно хотелось есть, но есть было нечего. Кроме разве что придорожных трав. Как хотелось броситься в каждую речушку, встречавшуюся по пути, — искупаться и напиться. Но в речушках плавали трупы. Как спали прямо на земле и как эта самая земля гудела от пролетающих низко-низко фашистских самолётов. Рассказать было что, да только некому и некогда было слушать. Ночью к маленьким беглецам привели ещё тысячу торопецких ребятишек, наспех рассовали всех по жёстким лавкам в поезде — и состав из шестидесяти вагонов немедленно двинулся на восток.

В том поезде не было ни кондиционеров, ни биотуалетов, ни чая в фирменных стаканах. Ни проводников. Только учительница Матрёна Вольская да пара её помощниц — и теперь уже три тысячи детей со вспухшими животами, гноящимися глазами и кровоточащими ногами. Матрёна Тимофеевна видела, как страдают её подопечные. Но знала: они уже столько преодолели и не имеют права сдаваться теперь, когда спасение совсем близко. Она не имеет права сдать их смерти. Из этого особенного поезда, мчащегося от истекающей кровью Смоленщины навстречу жизни, вылетали сотни телеграмм с одними и теми же словами: «Примите детей!». Но станция за станцией отвечала отказом: своих бы кто принял...

Матрёна уже почти потеряла надежду, как вдруг: «Примем. Город Горький». 14 августа 1942 года на большой перрон крупного города на Волге сошли — живые! — 3225 смоленских детей. Хотя нет... 3226. Одного малыша никто не считал, он не значился в списках, но так же мужественно, как остальные, преодолел страшный путь. Это был будущий сын Матрёны Вольской, который появился на свет в ноябре, — Валентин. Тем дождливым летом 1942-го молодая учительница чуть не пожертвовала собственным ребёнком ради трёх тысяч чужих детских

жизней. Впрочем, чужих ли? Неслучайно памятник Матрёне Вольской, который стоит сегодня в смоленском Парке пионеров, так напоминает памятник матери-героине. Семье. Для трёх тысяч детей войны учительница Матрёна Исаевна и вправду стала второй мамой.

Тетрадь воспоминаний

*Автор: Фёдорова Дарья Денисовна, 3 курс,
ОГБПОУ «Костромской политехнический колледж»*

Направление: Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

Жанр: дневник

Однажды, поздним вечером, когда внуки уже легли спать, а тишина окутала дом, я отправился в свой кабинет к полке с книгами, чтобы поставить на место очередную сказку, которую просят почитать внуки им перед сном. Я заметил, что книги на дальних полках стояли неровно, вероятно, это дети баловались днём, и принялся расставлять всё, как положено.

И тут я наткнулся на потрёпанную временем зелёную обложку тетради, которую я изредка открывал, чтобы вспомнить свою молодость. Я бережно взял её в руки, и страницы перенесли меня в военные годы, которые я фиксировал в тетрадь, чтобы сохранить воспоминания для потомков.

Лето 1941 года...

Почему никто нам не говорит, что не стоит мечтать в детстве? Почему меня никто не предупредил, что все мои фантазии и надежды обрушатся в один миг? То, чего я ждал всю жизнь — развеялось, будто туман ранним утром. Сказали бы мне раньше,

я бы ни за что на свете не стал себе желать ничего, кроме мирного неба над головой...

Послышался чей-то жалобный возглас. Поначалу я решил, что сошёл с ума, ну или умер, поэтому и мерещится всякое, но этот звук повторился снова. И я уже отчётливо слышал плачущий голос, напевающий какую-то мелодию. Оглядевшись, я не увидел никого живого. Неужели неупокоенные души погибших солдат распевают тут...

— Сашенька! Саша! Ну посмотри же на меня. Вот, я лежу перед тобой. Берёза...

Я только сейчас успел разглядеть, что же сотворил взрыв с некогда красивой поляной, окружённой деревьями. Матушка часто отправлялась с нами в этот лес за ягодами, и пела колыбельные для младших сестры и брата. Будучи маленьким, да, именно будучи, ведь сейчас я себя ощущаю не иначе, как стариком, я всегда вслушивался в тихий шёпот деревьев. Они разговаривали со мной, и я откликался на их дружелюбные беседы.

Но сейчас Берёза плачет. А другие поваленные деревья и все молчат. Ужас сковал меня, но глаза бегали по полю в поисках хоть какой-то жизни. Не знаю, чего я больше боялся — увидеть там знакомое лицо или не найти его вовсе.

Следующее мгновение запечатлелось в моей памяти надолго, но я бы никому не пожелал увидеть это, а сам хотел бы забыть. Я шёл через поляну к дороге через обломки деревьев и тела людей, как вдруг передо мной оказалось тело погибшей девочки, расстрелянной из пулемёта. Было бы не так больно, не узнай я зелёное платье в горошек, которое носила моя сестра. Ей было всего 3 года. А я обещал отцу беречь её... Я упал на колени и дрожащими руками прижал сестру к себе. То и дело крики и ругань срывались с моих губ, а слёзы застилали мне глаза так, что передо мной всё расплывалось.

Не знаю, сколько времени я провёл так. Помню лишь, что чьи-то крепкие руки подхватили меня и усадили на машину. Передо мной мелькали лица. В одном из них я даже узнал дядю Андрея, папиного друга, с которым они служили вместе. Но больше я ни на кого не реагировал.

Когда я наконец выплакал всё, что у меня было, и на моих щеках осталось застывшее месиво из слёз, крови и грязи, сон настиг меня. А машина увозила подальше от ужасов войны в безопасное место.

Зима 1943 года.

Ленинград. Через час новый год. Мы собрались нашим классом, а если точнее, то тем, что от него осталось, перед зданием бывшего кинотеатра на площади с большой ёлкой. Выжили немногие, да и выжившие мало походили на живых. Уж настолько сильно видны тёмные круги под глазами и впалые щёки. Почти все трудились на заводе, чтобы хоть как-то помочь тем, кто воевал на фронте. На войну нас не пускали, но я слышал, что Вове и Пете всё-таки посчастливилось попасть на фронт. В этот новый год нам было не до веселья: у многих человек погибли родители, но мы посчитали, что если будем вместе, то станет немного легче справляться с гнетущими мыслями.

Толик позвал всех кататься на санках. Согласились на это развлечение лишь некоторые, кто ещё был в силах. Валя с Лидой стояли в сторонке, держась за руки и слабо улыбаясь, когда слышался звонкий смех детей, которых катали ребята постарше.

Валя Строкина в этот момент думала лишь о том, как на санках, по снегу везли её маму на кладбище. Это и стало последним воспоминанием о матери.

Лидия Сташкевич 1934 года рождения пыталась избавиться от засевших в её голове слов старшей сестры, которая кричала и

рассказывала, как немцы вытащили из дома её любимую подружку, всех её родных и поволокли убивать. В новый год они планировали вместе скатиться с горки на санках.

Когда заговорили о подарках, Абабков Лёня заявил, что больше не хочет в подарок самолёт. Лишь от одного упоминания о нём мальчика пробирала дрожь. Лёня помнил, как вражеский самолёт устремился за ним, посыпая пулями всё вокруг, а он метался и не знал, куда же укрыться. Тогда он увидел спасительное дерево, метровое в обхвате, с ветвистой кроной. Лёня прятался за ствол дерева, а самодовольная фашистская физиономия в упор смотрела на него из кабины самолёта. Кора, сучья сыпались на мальчика, но ни одна пуля не смогла зацепить его. Так продолжалось до тех пор, пока фашист не улетел. По всей видимости, для него это была лишь игра чужой жизнью.

Август 1945 года...

Мы сидели с одноклассниками у костра и пели песни. Таня всё время смотрела на меня, и, как только я ловил её взгляд, краснела. Я укрыл её своей курткой, чтобы она не мёрзла, и вскоре её голова покоилась на моём плече. Ваня что-то громко рассказывал и активно жестикулировал, а ребята смеялись.

Завтра 1 сентября, и мы шагаем в мирную жизнь. Я решил пойти в медицинский. Уж очень мне хотелось спасти жизни людей. Остальные тоже начали делиться, кто куда решил поступать. На лицах каждого сияла улыбка, а слова были наполнены надеждой.

1 сентября...

Ленинград ожил и наполнился белыми бантами, ранцами, радостью и весельем: новый учебный год и новая жизнь.

Без войны.

Да, ещё не все до конца оправились от страшных событий войны. Многие мне рассказывали, что до сих пор просыпаются в поту от кошмаров, мучающих по ночам. В стране разруха, и ещё многое предстоит восстановить, но главное, что мы живы, и мы вместе. Каждый верил, что не допустит, чтобы война повторилась. Мы с уверенностью и открытыми глазами шагали в новый мир, который будем создавать и охранять мы сами.

Дорогие друзья!

Вы познакомились
с восьмым — специальным — выпуском
«Детского краеведческого журнала».

Мы хотели бы знать
ваше мнение об этом номере.

Что вам понравилось,
что вызвало наибольший интерес?
Какие темы, рубрики вы хотели бы видеть
в следующих выпусках —
о чём вам интересно было бы почитать?

Отзывы, предложения и пожелания
можно присылать по адресу
koiro.kostroma@gmail.com
с пометкой
«Детский краеведческий журнал».

До новых публикаций!

От редакции

Женская тракторная бригада Заволжской МТС
Костромского района в годы войны

Но бывают особые дни, торжественные,
когда мы, сегодняшние школьники, замолкаем
у Памятного камня, чернеющего около тон-
ких белых берёз, а гвоздики в наших руках
горят, как алые пятнышки крови. Почему же
мы замолкаем? Почему устремляем взгляд
куда-то вдаль? Что пытаемся увидеть? Перед
нами словно предстаёт Кристалл Времени.
Вглядимся внимательнее в его прозрачные
границы...

1938 год... Новенькая, только что постро-
енная школа подблескивает чистыми окнами.
Она с волнением ждёт своих первых гостей.
Сколько надежд, сколько радости!

1939 год... Нарядные девочки с их вечными
белыми бантиками. И много-много мальчи-
шек! Да и среди педагогов видим молодых и за-
горелых мужчин. Как же это славно! Откры-
тие школы, самый первый звонок! Да, много

Работники костромского
эвакогоспиталя № 1090

Город
Вологда
Ярославск обл
пос. ош. Верхнее
дер. Буровское
Владимир
13.01.41 О. Д. Д. В. 1/2

Вручение самолёта, построенного на средства костромичей,
лётчикам Ярославской комдивизии